

15-го Октября

№ 20.

1865 года.

1. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Уволенный изъ средняго отдѣленія семинаріи *Анастасій Шумановскій* рукоположенъ во діакона, херсонскаго уѣзда, пригорода Бересниговатаго, при Николаевской ц.

— Ананіевскаго уѣзда, селенія Лидіевки, Богородичной ц., дьячекъ *Константинъ Сурмели* произведенъ во діакона, съ оставленіемъ при той же церкви на вакансіи дьячка.

— Города Елисаветграда, Успенскаго собора протоіерей *Геодосій Бершацкій* назначенъ членомъ елисаветградскаго уѣзднаго комитета общественнаго здравія и попечительнаго комитета о тюрьмахъ.

— Уволенный изъ семинаріи *Василій Крупскій* назначенъ наставникомъ ананіевскаго уѣзда, въ Валегоцуловскую сельскую школу.

— Служившій въ канцеляріи херсонской консисторіи столоначальникомъ, титулярный совѣтникъ *Павелъ Новицкій*, согласно прошенію его, уволенъ отъ службы.

— Вдова священническая жена *Ольга Слободская* опредѣлена просфорнею, одесскаго уѣзда, мѣстечка Антоно-Кодинцовки, къ Варваринской ц.

— Избраны и утверждены въ должности церковныхъ старость на первое трехлѣтіе: поселянинъ *Никита Полищукъ*, ананіевскаго уѣзда, сел. Врадѣвки, при Параскевievской ц.; государственный крестьянинъ *Гавриилъ Омфира*, одесскаго уѣзда, селенія Яски, при Георгіевской ц.

— Заштатные священники: *Александръ Завдовскій* и *Феодоръ Якубовичъ*, за смертію, исключены изъ списковъ.

— Служащій въ канцеляріи херсонской консисторіи, въ должности столоначальника, губернскій секретарь *Михаилъ Писаренко*, указомъ Правительствующаго Сената отъ 13 августа за № 282, произведенъ за выслугу лѣтъ въ коллежскіе секретари, со старшинствомъ съ 29-го мая 1864 года.

II. РАСПОРЯЖЕНІЕ ХЕРСОНСКАГО СЕМИНАРСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

Списокъ учениковъ херсонской духовной семинаріи, составленный послѣ испытаній, бывшихъ въ июль мѣсяцъ 18⁶⁴/₆₅ учебнаго года, утвержденный ею высокопреосвященствомъ Димитріемъ, архіепископомъ херсонскимъ и одесскимъ.

ВЫСШАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

I.

1. Александръ Сосинъ	} Удостоены степени студента.
Феодоръ Синицынъ	

- Иванъ Левицкій
Оеодоръ Евнитскій
5. Алексѣй Рыбальченко
Даниль Діаговскій
Василій Рыбальченко
Михаиль Козицкій
Андроникъ Синицкій
10. Григорій Смирновъ
Михаиль Клопотовъ
Димитрій Синицкій
Иванъ Тимошенко

II.

- Александръ Жуковскій
15. Викторъ Писаренко
Александръ Юрьевъ
Босма Козловскій
Димитрій Новиковъ
Александръ Русаневичъ
20. Александръ Шеметовъ
Аѳанасій Додыревъ
Егоръ Рыбальченко
Николай Агапьевъ
Варлаамъ Мочульскій
25. Марко Татаровъ
Григорій Молдавскій
Иванъ Дейнега
Антоній Гентусъ
Николай Брижицкій
30. Николай Бондаренко

- Николай Левицкій
Дометій Бахталовскій
Павель Плошинскій
Онисифоръ Лохвицкій
35. Николай Деловъ

Иванъ Еригинъ
Ананія Брижицкій
Александръ Вартминскій

} За небытіємъ на экзаменъ по болѣзни, представляется имъ держать экзаменъ по выздоровленіи.

Воспитанники изъ иностранцевъ.

- Василій Друмевъ
40. Димитрій Благоввъ
- } Принадлежатъ къ 1-му разряду.

СРЕДНЯГО ОТДѢЛЕНІЯ.

г.

1. Мойсей Шишацкій
Семень Доктуровскій
Михаилъ Климовичъ
Иванъ Русаневичъ
5. Авраамій Казанскій
Григорій Буримовичъ
Алексѣй Буримовичъ
Игнатъ Самарскій
Константинъ Матковскій
10. Викторъ Дерманскій
Митрофанъ Знаменскій
Григорій Угриновичъ
Павель Игнатьевъ
- } Предназначаются къ переводу въ высшее отдѣленіе Семинаріи.

II.

- Павелъ Торскій
15. Андрей Лосіевскій
Михаилъ Тодорцевъ
Василій Заводовскій
Николай Мочульскій
Александръ Попельницкій
20. Василій Васютинскій
Василій Иващенко
Федоръ Харжевскій
Михаилъ Мочульскій 1-й
Михаилъ Беззабава
25. Василій Лопатинскій
Иванъ Павловскій
Андрей Пасхаловъ
Михаилъ Мочульскій 2-й
Владиміръ Жуковскій
30. Иванъ Матковскій
Алексѣй Бычковскій
Михаилъ Сорокинъ
Иванъ Воскресенскій
Прохоръ Левицкій
35. Филаретъ Синьковскій
Иванъ Любинскій
Михаилъ Шарковъ
Егоръ Морозовъ

III.

- Петръ Загоруйченко
40. Федоръ Гуконскій
Николай Ковошинскій

Оставлены въ томъ же
классѣ въ надеждѣ луч-
шихъ успѣховъ.

Предназначаются къ переводу въ высшее отдѣленіе Семинаріи.

	Агаѳангелъ Луговенко	}	Оставлены въ томъ же классѣ въ надеждѣ лучшихъ успѣховъ
	Николай Пухальскій		
45.	Евфимій Березовъ	}	Исключены изъ Семинаріи.
	Василій Слатвинскій		
	Василій Гавеля	}	Уводенъ изъ Семинаріи за болѣзнію.

Воспитанники изъ иностранцевъ.

	Петръ Генчевъ	}	Принадлежатъ къ 1-му разряду воспитанниковъ.
	Иванъ Гюзелевъ		
50.	Димитрій Богичевичъ	}	Принадлежатъ ко 2-му разряду и предназначены къ переводу въ высшее отдѣленіе.
	Стефанъ Златевъ		
	Димитрій Кереговъ		
	Христо Меленковичъ		
53.	Христо Заховскій	}	За небытіемъ на экзаменѣ по болѣзни оставленъ съ правомъ держать экзаменъ по возвращеніи.

НИЖШАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

Г.

	Илія Савинскій	}	Предназначаются къ переводу въ среднее отдѣленіе Семинаріи.
	Иванъ Аѳанасьевъ		
	Василій Русаневичъ		
	Димитрій Попельницкій		
5.	Николай Клопотовъ		
	Порфирій Мочульскій		
	Димитрій Билинскій		
	Феодотъ Левицкій		
	Никифоръ Молдавскій		
10.	Яковъ Чепиговскій		
	Егоръ Добровольскій		

- Алексѣй Емельяновъ
Савва Чеховичъ
Никифоръ Мироненко
15. Петръ Лосіевскій
Александръ Пирожный
Феофанъ Шеларъ
Иванъ Бабуря
Емеліанъ Лебедевъ
20. Антонъ Чепуринъ
Софронъ Андріевскій

II.

- Василій Балдинскій
Александръ Брадучанъ
Левъ Жадановскій
25. Александръ Шеларъ
Павель Ханичговскій
Иванъ Стойковъ
Григорій Смирновъ
Димитрій Мочульскій
30. Иванъ Діаговскій
Николэй Жежеленко
Николай Карабиновичъ
Александръ Карабиновичъ
Иванъ Игнатъевъ
35. Александръ Жадановскій
Аверкій Диковскій
Андрей Билинскій
Григорій Зубовъ
Николай Сербинъ

Предназначаются къ переводу въ
среднее отдѣленіе Семинаріи.

Предназначаются къ переводу въ среднее отдѣленіе Семинаріи.

40. Димитрій Койка
Петръ Кальневъ
Петръ Ивановъ
Викторъ Васютинскій
— Теодоръ Туровскій
45. Теодоръ Слободскій
Теодоръ Утуловъ
Николай Номичей-Швилл
Иванъ Арбузовъ
Сергій Новиковъ
50. Василий Петрушевскій
Леонтій Пивоваровъ
Кириакъ Добровольскій
Димитрій Смирновъ
Алексѣй Здѣтовецкій
55. Петръ Бахталовскій
Иларіонъ Аушевъ
Димитрій Григоровичъ
Григорій Ульяницкій
Владиміръ Александровъ
60. Яковъ Лобачевскій
Константинъ Пухальскій

III

- Антонинъ Глембоцкій
Петръ Гуковичъ
Василій Дмитревскій
Константинъ Диковскій
Данилъ Стойковъ

Оставлены въ томъ же
классѣ въ надеждѣ луч-
шихъ успѣховъ.

Предназначаются къ переносу въ среднее отдѣленіе Семинаріи.

Федоръ Манжелей	}	Уволенъ по прошенію.
Федоръ Ивановъ	}	Исключаются.
Василій Сорокинъ		
70. Александръ Цивчинскій	}	Уволенъ по прошенію.
Андрей Соловьевъ	}	Исключаются изъ Сели- наріи.
Ксенофонтъ Діаговскій		
Димитрій Крїжановскій		
Василій Базилевичъ	}	Исключаются.
75. Иванъ Ивановъ		

Воспитанники изъ иностранцевъ.

Пантелеимонъ Поповичъ	}	Принадлежить къ 1-му разряду.
Стефанъ Гаведарица	}	Принадлежать ко 2-му разряду и назначаются къ переводу.
78. Александръ Македонскій		

III. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ.

ПРАЗДНЫ МѢСТА :

Священническія : города Ольвіополя, при Варваринскомъ соборѣ; александрійскаго уѣзда, въ сел. Березовкѣ, при Іосифовской ц.; въ селеніи Золотаревкѣ, при единовѣрческой Ильинской ц.; въ селеніи Зыбкомѣ, при единовѣрческой Покровской ц.; тираспольскаго уѣзда, въ селеніи Гоянахъ, при Николаевской ц.

Діаконское — въ г. Николаевѣ, при единовѣрческой Богородичной ц.

Дьячковскія: города Одессы, при единовѣрческой Успенской ц.; г. Херсона, при единовѣрческихъ Рождество-Богородичной и Покровской цц.; херсонскаго уѣзда, въ селеніи Никольскомъ, при Троицкой ц.; александрійскаго уѣзда, въ селеніи Овнянѣ, при Покровской ц.; въ с. Ульяновѣ, при Успенской ц.; бобринецкаго уѣзда, въ селеніи Шпаковой, при Одигитріевской ц.; тираспольскаго уѣзда, въ селеніи Дубовомъ, при Богородичной ц.

Пономарскія: города Одессы, при единовѣрческой Успенской ц.; въ Херсонѣ, при единовѣрческихъ Богородичной и Покровской цц.; въ г. Александріи, при Успенскомъ соборѣ; въ г. Ананьевѣ, при Николаевскомъ соборѣ; александрійскаго уѣзда, въ сел. Березовѣ, при Іосифовской ц.; въ селеніи Лисаневодушенькевичевой, при Варваринской ц.; въ с. Александровѣ, при Богородичной ц.; въ с. Вершацѣ, при Богородичной ц.; въ сел. Федоровѣ, при Петропавловской ц.; въ сел. Васильевѣ, при Васильевской ц.; въ сел. Дониной-Камянѣ, при Михайловской ц.; елисаветградскаго уѣзда, въ селеніи Максимовѣ, при Арсеніевской ц.; въ с. Тимофѣевѣ, при Покровской ц.; въ селеніи Анновѣ, при Успенской ц.; въ сел. Якимовѣ, при Іоакимовской ц.; въ посадѣ Новоукраинкѣ, при Варваринской ц.; въ сел. Добрянкѣ, при Богородичной ц.; въ с. Солономъ, при Николаевской ц.; въ с. Николаевѣ, при Благовѣщенской ц.; въ селеніи Буличевой-Петровѣ, при Покровской ц.; въ селеніи Синюхиномъ-Бродѣ, при Михайловской ц.; въ селеніи Петроостровѣ, при Преображенской ц.; одесскаго уѣзда, въ селеніи

Ковалевкѣ, при Михайловской ц.; въ селеніи Александровкѣ,
при Богородичной ц.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ВЪ 1866 ГОДУ ИЗДАНИЙ:

СТРАННИКЪ

И ГАЗЕТЫ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИСТОКЪ

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ, ОЩЕСТВЕННЫХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Современное религіозно-нравственное состояніе русскаго общества, вызвавшее въ 1860 году появленіе на поприщѣ отечественной духовной журналистики — новаго органа подъ именемъ «Странника», требуетъ продолженія его дѣятельности и въ будущемъ году. Таково не только личное наше убѣжденіе, но еще болѣе — убѣжденіе огромнаго числа нашихъ читателей. Уступая этому требованію нравственнаго долга, налагаемаго на насъ священнымъ нашимъ призваніемъ, мы рѣшились и въ слѣдующемъ 1866 году продолжать изданіе своего журнала по той-же, одобренной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ, по которой онъ издается уже шестой годъ. Программа наша, по милости Божіей, осуществляется каждою мѣсячною книжкою «Странника», и этимъ обязаны мы неистощимому усердію ко благу вѣрующихъ — со стороны лицъ разнаго сословія, особенно же многихъ достопочтенныхъ служителей алтаря Господня, которые опыты духовныхъ своихъ наблюденій и размышлений

о великихъ дѣлахъ Божіихъ доставляютъ намъ со всѣхъ сторонъ нашего отечества. Несомнѣнно уповаемъ, что искреннее сочувствіе къ «Страннику» и дѣятельное участіе въ его трудахъ не оскудѣтъ въ нашихъ собратіяхъ и на будущее время, о чемъ и просимъ ихъ усерднѣйше, во имя общей матери нашей — святой православной Церкви, и во славу единого главы ея, Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Не смотря на тяжкое семейное испытаніе, которымъ промыслу Божию угодно было посѣтить насъ, и которымъ въ началѣ текущаго года пріостановленъ былъ своевременный выпускъ книжекъ «Странника», мы, при помощи Божіей, постепенно достигли, наконецъ, того, чего такъ давно желали наши подписчики, — именно, чтобы каждая мѣсячная книжка нашего журнала могла выходить здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ началѣ мѣсяца. Такъ нынѣшняя сентябрьская книжка вышла у насъ въ началѣ сентября, октябрьская — въ началѣ октября. Желая упрочить этотъ порядокъ на будущее время, мы, по совершенному недостатку у насъ лишняго времени, не рѣшаемся и въ наступающемъ году издавать прибавочныхъ томовъ ни *Проповѣдей*, ни *Чтенія для дѣтей*, какъ было въ 1863 и въ 1864 годахъ. Съ другой стороны, надѣясь своевременностію выпусковъ журнала угодить своимъ подписчикамъ, просимъ ихъ самихъ содѣйствовать къ тому на будущій годъ — благовременностію подписки. Если подписка получается нами въ ноябрѣ, или по крайней мѣрѣ въ началѣ декабря, то мы безъ затрудненія можемъ исподоволь заготовить на весь годъ печатные адреса, распредѣлить подписчиковъ по трастовымъ книгамъ, и т. д., и затѣмъ тотчасъ по выпускѣ

первой книжки — заняться отправкою ея. Не менѣ важна для насъ благовременная подписка и въ томъ отношеніи, что, судя по числу поступившихъ до половины декабря пренумерантовъ, мы можемъ приблизительно опредѣлить, въ какомъ числѣ экземпляровъ должны печатать свой журналъ. Конечно, нельзя обойтись безъ печатанія и запасныхъ экземпляровъ; но запасы несоразмѣрные — для редакціи разорительны, а недостаточное ихъ число для самихъ подписчиковъ бываетъ непріятно, что испытано нами особенно въ первый годъ изданія нашего журнала.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что съ 1 января 1864 года въ собственность редакціи «Странника» поступила и— основанная по ея же мысли въ 1863 году, хотя и состоящая подъ особою редакціею (А. И. Поповицкаго), газета «Современный Листокъ» политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій. Сочувствіе большинства читателей нашего журнала къ этой газетѣ, доказало намъ, что мы не ошиблись, предпринявъ ея изданіе. Сообщая читателямъ факты изъ области общественной жизни, политики и литературы, и въ тоже время не разрушая, а поддерживая и развивая нравственно-религіозныя убѣжденія въ своихъ читателяхъ, «Современный Листокъ» до нынѣ не упускалъ безъ вниманія и не будетъ упускать ни одного болѣе или менѣ важнаго явленія въ ходѣ общественной жизни, если оно имѣетъ какое-либо отношеніе къ руководящимъ его началамъ. Онъ старается быть, по возможности, полнымъ въ сообщаемыхъ имъ извѣстіяхъ; но при этомъ не теряетъ изъ виду главной своей цѣли — удерживать значеніе органа нравственно-религіозныхъ началъ въ литературѣ и обществѣ. Этимъ старается онъ удовлетворить какъ

свѣтскимъ своимъ читателямъ, такъ особенно духовнымъ, которые заявили намъ о своемъ желаніи имѣть въ своемъ распоряженіи газету, не чуждающуюся вопросовъ, относящихся къ ихъ быту. Въ «Современный Листокъ» вошло очень много статей, касающихся вопроса объ улучшеніи быта духовенства, объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, о выборномъ началѣ, о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ церковной практикѣ, и т. п. Такія и подобныя статьи «Современный Листокъ» будетъ представлять общему вниманію и въ будущемъ году, и мы надѣемся, что лица духовнаго званія не откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи—сообщеніемъ разнаго рода замѣтокъ и корреспонденцій, входящихъ въ его программу.

Условія подписки на каждое изъ нашихъ повременныхъ изданій, или на оба вмѣстѣ, остаются прежнія, а именно: 1) за годовое изданіе «Странника», состоящее изъ 12-ти книжекъ, со всѣми приложениями, портретами и т. п., съ доставкою во всѣ почтовые мѣста имперіи, *четыре рубля серебромъ*; 2) за годовое изданіе «Современнаго Листка», состоящее изъ 104 нумеровъ (эта газета выходитъ два раза въ недѣлю), съ пересылкою во всѣ почтовые мѣста, также *четыре рубля серебромъ*; 3) для подписывающихся на «Странникъ» и «Современный Листокъ» вмѣстѣ, годовая плата на послѣдній понижается до *трехъ рублей*, и такимъ образомъ за оба изданія — журналъ и газету слѣдуетъ высылать *семь руб. сер.*

Желающіе могутъ выписывать полныя годовыя изданія «Странника» за 1860, 1861, 1862, 1863 1864 и нынѣшній 1865 годы, со всѣми бывшими при нихъ приложениями; а также прибавочные томы *Проповѣдей* и томы

Чтенія для дѣтей, изданія 1863 и 1864 года (всего 4 тома).

Цѣна остается прежняя — за каждый годъ журнала: 3 р. 50 к. безъ пересылки, и 4 р. с. съ пересылкою; а за каждый томъ либо *Проповѣдей*, либо *Чтенія для дѣтей* — по 1 р. сер. Но кто пожелаетъ выписать изданіе журнала вдругъ за пять или за шесть лѣтъ, тому оба тома *Проповѣдей* и оба тома *Чтенія для дѣтей* будутъ высланы въ придачу, безмездно.

Гр. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ *Редакцію духовнаго журнала «Странникъ» въ С.-Петербургъ*.

Редакторъ и издатель: протоіерей *Василій Гречулевичъ*.

ЖУРНАЛЪ

НАРОДНАЯ БЕСѢДА.

«Народная Бесѣда» по программѣ своей заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1) *Правительственныя распоряженія и узаконенія*, касающіяся устройства крестьянскаго быта. (Этотъ отдѣлъ имѣетъ цѣлю ознакомленіе, въ особенности поселянъ, рабочихъ и промышленныхъ людей съ ихъ правами и обязанностями. Сюда входятъ вполнѣ все правительственныя распоряженія касательно сельскаго населенія, мировыхъ и земскихъ учреждений.)

2) *Духовное Чтеніе*. Статьи о церковной службѣ, обрядахъ, принадлежностяхъ православнаго богослуженія, пастырскія поученія и пр. *Словесность*. Повѣсти, рассказы, пѣсни, стихотворенія, годныя преимущественно для чтенія въ школахъ.

3) *Науки*. Естествознание, хозяйство, землеописание, бытописание, ремесла, искусства, народное здравіе и проч. Въ этомъ же отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи по предметамъ воспитанія и начального обученія, свѣдѣнія о различныхъ способахъ преподаванія, о приготовленіи сельскихъ учителей, практическіе уроки и проч.

4) *Смѣсь*. Открытія, изобрѣтенія, случаи, разныя извѣстія, вообще мелкія статьи. Такъ же и извѣстія о школахъ, о числѣ учащихся, объ учебныхъ пособіяхъ; извѣстія о книгахъ; разборъ книгъ, предназначаемыхъ для народа и народныхъ школъ.

Въ статьямъ, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и чертежи. По мѣрѣ возможности присоединяются полезныя *приложенія*.

Ежемѣсячныя сообщенія всѣхъ правительственныхъ распоряженій, касающихся мировыхъ и земскихъ учреждений, будутъ весьма важны и полезны для всѣхъ сословій, для всякаго, не только сельскаго, но и городского обывателя, тѣмъ болѣе, что этотъ отдѣлъ журнала, имѣющій свою особую нумерацію страницъ, можетъ быть отдѣляемъ въ видѣ особой книжки и постепенно составить сборникъ, удобный для справокъ.

«Народная Бесѣда» издается ежемѣсячно книжками, каждая по 5 и 6 печатныхъ листовъ, то-есть по 80—96 страницъ и болѣе.

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ *2 руб. сер.* съ пересылкою во всѣ почтовые конторы.

Подписка принимается въ Редакціи (на Вас. Остр., на углу 8 линіи и Большаго проспекта, д. №¹⁹/₂₆). Иногородные надписываютъ: «въ Редакцію Народной Бесѣды, въ С.-Петербургѣ».

СЛОВО

Высокопреосвященнаго Димитрія, архієпископа херсонскаго и одесскаго, сказанное въ день Покрова Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы.

Величаем Тя, Пресвятая Дѣво, и чтимъ Покровъ Твой святой.

Что это за благодатный Покровъ Препоблагословенной Владычицы нашей Богородицы? Это, брат. мои, Ея всемогущее ходатайство предъ Сыномъ Ея и Богомъ, коимъ покрываются немощи и грѣхи человѣческіе предъ взоромъ Божественнаго правосудія, и продолжается время долготерпѣнія и милосердія Божія къ міру, лежащему во злѣ. Это Ея всеильная молитва предъ Господомъ, которая оживляетъ, укрѣпляетъ, возвышаетъ, очищаетъ и творитъ достойными услышанія наши слабыя, безсильныя, нечистыя молитвы. Это Ея матернее милосердіе, которое щадитъ и милуетъ, охраняетъ и покрываетъ насъ отъ всякаго зла, доколѣ не переполнится мѣра грѣховъ нашихъ, доколѣ неправды человѣческія не возопіютъ на небо громкимъ гласомъ и не отвратятъ отъ насъ милосердаго взора Ея. Это Ея матерняя

любовь, которая всѣхъ милуетъ и ущедряетъ *и всѣмъ творитъ спастися въ державный покровъ Ея приближающимъ.*

Надъ кѣмъ простирается этотъ благодатный покровъ Матери Божіей? Надъ Церковію Божественнаго Сына Ея Господа Іисуса Христа, которая есть тѣло Его и которой пресвятая Матерь Его потому самому есть благодатная Матерь и Царица; надъ всѣми истинно вѣрующими въ Господа Іисуса Христа, которые суть *члены тѣла Ею, отъ плоти Ею и отъ костей Ею*, а потому суть истинныя чада, по благодати, и Ею пречистой Матери. Какъ Господь сказалъ ученикамъ Своимъ, предъ вознесеніемъ Своимъ на небо: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*: такъ и пресвятая Матерь Его, разлучаясь со св. апостолами и со всѣми вѣрующими, предъ всеблаженнымъ успеніемъ Своимъ, *извѣствоваше имъ, яко не имать ихъ оставити въ сиротствѣ, но имать посѣщати и назирати*; а въ третій день по преславномъ взятіи Ея съ тѣломъ на небо, Она явилась св. апостоламъ и рекла имъ: *радуйтеся, — се Азъ съ вами есмь во вся дни*. Посемуто и мы, брат., доколѣ пребываемъ живыми членами Церкви Христовой, хранимъ крѣпко св. вѣру въ Господа Іисуса Христа, послѣдуемъ Его Божественному Евангелію, покоряемся Его животворнымъ заповѣдямъ, участвуемъ въ Его благодатныхъ таинствахъ,— находимся несомнѣнно подъ благодатнымъ покровомъ Матери Божіей. Ибо если Самъ Господь не стыдится нарицать насъ Своими братьями, постыдится-ли Матерь Его нарещи насъ Своими чадами? Если Самъ Господь питаетъ насъ Своею пречистою плотію и кровію; отречется ли Матерь Его отъ сей божественной плоти и крови, зачатой и рожденной отъ Ея пречистыхъ

кровей, воспитанной и воздоенной Ея матернимъ млекомъ?

Гдѣ-же и въ чемъ является надъ нами благодатный покровъ Матери Божіей? Во всемъ и всегда. Онъ является въ безчисленныхъ благодѣяніяхъ, непрестанно ниспосылаемыхъ намъ свыше отъ Отца свѣтовъ, которыхъ мы сами по себѣ, чрезъ непрестанное злоупотребленіе даровъ Божіихъ, становимся недостойными. Является въ самыхъ скорбяхъ и несчастіяхъ, лишеніяхъ и бѣдствіяхъ, которыя попускаются на насъ свыше для возбужденія въ сердцѣ нашемъ спасительной скорби и печали *яже по Бозь*. Является во всѣхъ обстоятельствахъ жизни нашей не только радостныхъ, но и печальныхъ, которыя споспѣшествуютъ намъ во благое, ведутъ насъ къ покаянію, очищенію, совершенію и спасенію. Является въ непрестанныхъ вразумленіяхъ среди суеты и разсѣянности нашей, въ возбужденіяхъ совѣсти нашей къ покаянію и обращенію къ Богу. Является въ многоразличныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, которыми ознаменованы многочисленныя св. иконы Матери Божіей, которыя и до нынѣ совершаются всюду по мѣрѣ вѣры молящихся. Ибо Матерь Божія, какъ избраннѣйшая отъ всѣхъ родовъ, высшая Херувимовъ и Серафимовъ, ближайшая всѣхъ тварей къ Сыну Своему и Богу, есть первая, по Иисусѣ Христѣ, служительница въ благодатномъ царствѣ Божіемъ, первая исполнительница святѣйшей воли Божіей о насъ, первая пріемница благодатныхъ даровъ, исходящихъ отъ престола Божія, и первая подательница ихъ всѣмъ ищущимъ, просящимъ и молящимся. Чрезъ Нее нисходятъ на насъ всѣ благословенія и дары Господни, и чрезъ Нее же восходятъ отъ насъ къ Богу всѣ молитвы и прошенія наши. Она,

какъ живопріемный и живоносный источникъ, Сама преисполняясь благодатію, неоскудно источаетъ ее и всѣмъ жаждущимъ; Сама искусившись тягчайшими скорбями въ жизни Своей, является самообѣтованною помощницею и всѣмъ скорбящимъ и бѣдствующимъ; Сама упокоеваясь подъ кровомъ селенія Вышняго, простираетъ Свой благодатный покровъ и надъ всѣми вѣрующими во Христа.

Отъ чего же многіе вовсе какъ бы не примѣчаютъ надъ собою сего благодатнаго покрова? Отъ чего многіе не ощущаютъ, повидимому, благодатной помощи Матери Божіей и послѣ многократныхъ молитвъ и прошеній? Отъ того, что не могутъ ни видѣть и ощущать благодатныхъ дѣйствій по неспособности, ни принимать даровъ Божіихъ по недостойнству. Чтобъ видѣть свѣтъ, нужно здоровое око; чтобъ слышать звукъ, нужно здоровое ухо. Духовное око ума нашего есть живая вѣра, какъ *извѣщеніе уповаемыхъ, вещей обличеніе невидимыхъ*. У кого сіе око ума свѣтлѣе, у кого чище, тверже и совершеннѣе вѣра: тотъ видитъ болѣе, прозрѣваетъ далѣе. Тотъ во всемъ окружающемъ его мірѣ усматриваетъ присносущную силу Божію, которая все содержитъ, все оживляетъ, всѣмъ управляетъ по законамъ премудрости, благодати и правды; тотъ и въ самыхъ обыкновенныхъ, по видимому, обстоятельствахъ жизни видитъ всеуправляющій перстъ Божій, дѣйствующій сокровенно, невидимо, таинственно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно, животворно и спасительно. Напротивъ, у кого сіе око ума ослѣплено или прахомъ суеты и страстныхъ увлеченій, или мракомъ маловѣрія и тьмою невѣрія: тотъ, кромѣ грубаго вещества въ природѣ, мертвой необходимости въ явленіяхъ міра и слѣлаго случая въ обстоятель-

ствахъ собственной жизни, не видитъ ничего. Св Давидъ *предзрѣлъ* върою Господа *предъ собою выну*, потому и видѣлъ надъ собою покровъ милости Божіей во всѣхъ обстоятельствахъ свсей жизни: *Господи*, исповѣдуетъ онъ, *искусилъ мя еси и позналъ мя еси; Ты разумѣлъ еси помысленія моя издавеча, стезю мою и унзе мое Ты еси изслѣдовалъ, и вся пути моя провидѣлъ еси, не содѣланная моя видѣста очи Твои*. Напротивъ, тѣ безумцы, о которыхъ упоминаетъ премудрый, погрязши въ тинѣ чувственныхъ наслажденій, ослѣпленные тьмою невѣрія, утѣшали себя отчаянною надеждою: *самослучайно рождени есмы, и потомъ будемъ якоже не бывше*. Слухъ души нашей есть совѣсть и сердце. У кого чище и свѣтлѣе совѣсть, сердце чувствительнѣе и благочестивѣе: тотъ живо ощущаетъ всякое прикосновеніе высшей силы, ясно примѣчаетъ всякое вѣяніе всесвятаго Духа Божія, тотъ и въ самыхъ сокровенныхъ движеніяхъ сердца своего — свѣтлыхъ или мрачныхъ — примѣчаетъ присутствіе или отсутствіе благодати Божіей. Напротивъ, у кого совѣсть омрачена злыми дѣлами, сердце оглушено шумомъ страстей и воплемъ порочныхъ вождеденій плоти, внутреннее чувство изсохло и загрубѣло отъ зноя самолюбія и корыстолюбія: тотъ не чувствуетъ иногда и самыхъ сильныхъ толканій благодати Божіей, и самыхъ поразительныхъ ударовъ гнѣва Господня, подобно какъ камень не чувствуетъ ни благотворнаго паденія дождя, ни сильного удара молота.

Такимъ образомъ, можно дойти до такого состоянія, что можно не только не видѣть и не чувствовать надъ собою, но и вовсе лишиться благодатнаго покрова Матери Божіей, такъ что Сама преблагая и премилосердая Матерь

всѣхъ отвратить отъ насъ взоръ Свой, не приметъ моленій нашихъ, оставитъ насъ погибнуть въ беззаконіяхъ. Малыя, по видимому, сомнѣнія и недоумѣнія о предметахъ вѣры порождаютъ охлажденіе вѣры, потомъ маловѣріе, и наконецъ невѣріе и ожесточеніе, которыя отторгаютъ насъ отъ животворной лозы Господа Іисуса Христа, дѣлаютъ сухою отвалившуюся вѣтвію въ вертоградѣ Господнемъ, годною только для сожженія. Малыя, по видимому, слабости, не исправляемыя благовременно, дѣлаются, мало по-малу, сильными, увлекающими склонностями, потомъ страстями, наконецъ закоренѣлыми привычками, которыя умерщвляютъ все доброе въ нашемъ сердцѣ, дѣлаютъ насъ мертвыми предъ Богомъ, отчужденными отъ жизни Божіей и чуждыми всѣхъ завѣтовъ обѣтованія. О такихъ-то людяхъ говоритъ Сердцевѣдецъ: *вѣмъ твоя дѣла: имя имаши яко живъ, а мертвъ еси!* Мертвъ онъ сердцемъ; ибо не трогаютъ его ни красота добродѣтели, ни мерзость порока, ни радостныя обѣтованія жизни вѣчной, ни страшныя угрозы евангельскія. Мертвъ онъ умомъ; ибо не видитъ собственной гибели, о которой ясно говоритъ ему слово Божіе. Мертвъ своею совѣстію; ибо она безсильна противъ страстей его, спитъ, какъ обуморенная, и не чувствуетъ въ себѣ язвъ грѣховныхъ. Мертвъ своимъ желаніемъ; ибо оно движется не къ дѣламъ свѣта и жизни, святости и правды, вѣры и любви, а къ мертвымъ дѣламъ тьмы и нечестія, лжи и неправды. Въ такомъ состояніи достоинъ-ли человѣкъ, хотябы и назывался христіаниномъ, благодатнаго покровя Матери Божіей? Честнѣйшая Херувимовъ можетъ-ли покровительствовать беззаконіямъ, коими второе распинаютъ Божественнаго Сына Его Господа Іисуса? Пречистая и пренепорочная

Дѣва можетъ-ли взирать благоволиительно на нечистоты и смрадъ грѣховный? Нѣтъ: не милости, а гнѣва, — не покровы и заступленія, а конечнаго отверженія должны ожидать отъ Нея нераскаянные грѣшники!

Посему-то и нужно, брат. мой, хранить святую православную вѣру, какъ зѣницу ока, не предаваться сомнѣніямъ, колебаніямъ, недоумѣніямъ о вѣрѣ, которыми диаволъ силится отвлечь насъ отъ истины, запутать въ сѣти жи и заблужденій. Тѣмъ паче должно закрывать и отвращать слухъ свой отъ изумленія и кощунства тѣхъ сожженныхъ своею совѣстію людей, которые, поработившись страстямъ и плотскимъ похотямъ, ищутъ успокоенія своему духу не только въ собственномъ невѣріи, но и въ развращеніи другихъ. Святое Евангеліе, которому вѣруемъ, есть живое слово Единороднаго Сына Божія, Который сотворилъ насъ вначалѣ, искупилъ насъ Своею кровію и будетъ судить насъ въ послѣдній день міра: *небо и земля прейдутъ, словеса же Его не прейдутъ.*

Нужно преимущественно хранить свою совѣсть въ чистотѣ и святинѣ, или же очищать ее благовременно отъ сквернъ грѣховныхъ банею истиннаго покаянія. Чистая совѣсть, брат. мой, есть такая драгоценность, *еяже въ мірѣ ничтоже нужднѣйши.* Съ нею можемъ провести жизнь свою въ мирѣ и спокойствіи, хотя бы все скорби и бѣдствія вооружились на насъ; съ нею безтрепетно и съ благодушіемъ срѣтимъ смерть свою, какъ друга и благодѣтеля, когда бы и гдѣ бы она ни постигла насъ; съ нею не постыдно предстанемъ и предъ страшный судъ Божій, въ упованіи оправданія и жизни вѣчной. Напротивъ, не заботясь очищать совѣсть свою слезами покаянія, опускаясь

все глубже и глубже въ бездну нечувствія и окамененія сердечнаго, долго-ли дойти до ужаснаго состоянія тѣхъ людей, которыхъ Апостоль называетъ *сожженными своею совѣстію*, которыхъ ожидаетъ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.

Нужно, наконецъ, умягчать свое сердце, возвышать и облагороживать свое чувство любовію къ ближнимъ, милосердіемъ къ заблуждающимъ, сострадательностію къ несчастнымъ, чтобъ уготовать свою душу въ достойную обитель Духа Божія со всеѣмъ богатствомъ благодатныхъ даровъ Его, чтобъ содѣлать свое сердце способнымъ наслаждаться духовными благами. Ибо можно-ли ощущать въ сердцѣ своемъ тотъ благодатный миръ, который есть плодъ примиренія нашего съ правосудіемъ Божиимъ, тому, кто не простилъ отъ всего сердца врагу своему, когда участь послѣдняго находилась въ его власти? Можетъ-ли ощущать все блаженство прощенія грѣховъ своихъ, кто не простилъ никогда должнику своему неоплатнаго его долга, кто не избавилъ когда-либо несчастнаго изъ темницы, куда заключило его корыстолюбіе и лихоимство? Можно-ли постигнуть, сознать и возчувствовать все величіе безконечной любви Божіей къ намъ грѣшнымъ и упиться, по выраженію Пророка, чувствомъ благоговѣнія и восторга тому, кто не расширилъ своего сердца любовію къ ближнимъ, не возвышался духомъ до той высоты самоотверженія и любви, на которой человекъ готовъ *душу свою положить за други своя*; кто не обнималъ искреннею любовію самихъ враговъ и ненавидящихъ его, не молился отъ всего сердца о прощеніи злословящихъ и обидящихъ его? Можно-ли живо чувствовать чистую и святую радость о Господѣ тому, кто

не обрадовалъ плачущаго, не утѣшилъ скорбящаго, не осчастливилъ несчастнаго, не сочувствовалъ всѣмъ сердцемъ ни скорби ни радости своего ближняго? Ибо похожали на истинную радость, которая есть свѣтъ отъ свѣта Божія, животворное дыханіе отъ Духа Господня, которая чѣмъ болѣе сіяетъ, тѣмъ обильнѣе свѣтитъ и животворитъ, тѣмъ болѣе произращаетъ вокругъ себя тысячи радостей — любовію, долготерпѣніемъ, благостію, милосердіемъ; похожали на нее эта самолюбивая и своекорыстная радость людей, у которыхъ сердце тѣмъ болѣе сокращается и ожестѣваетъ, чѣмъ болѣе наслаждается плотскими радостями и утѣхами?

Посему-то, брат., св Церковь научаетъ насъ прежде и паче всего умолять пресвятую Матерь Божию о томъ, чтобы Она воздвигла насъ изъ глубины грѣховныя и просвѣтила сердечныя очи наши ко зрѣнію спасенія; оживотворила насъ духомъ вѣры и благочестія, духомъ чистоты и правды, духомъ любви и милосердія. Будемъ просить у Нее этого первѣйшаго блага и Она благословитъ насъ, какъ присныхъ чадъ Своихъ, *всяцѣмъъ благословеніемъ въ небесныхъ и земныхъ*. Аминь.

ОРИГЕНЪ АДАМАНТОВЫЙ.

(Патрологическій очеркъ, — изъ классическихъ чтеній по Патрологіи).

(Продолженіе *).

Всѣ дошедшія до насъ сочиненія Оригена раздѣляются главнымъ образомъ: на сочиненія *апологетическія*, сочиненія *экзегетическія* и сочиненія *догматическія*. Въ чемъ состоитъ отличительный характеръ Оригена 1) какъ *аполгета*, 2) какъ *экзегета* и 3) какъ *догматиста*?

1) ОРИГЕНЪ, КАКЪ АПОЛОГЕТЪ.

Нѣсколько опытовъ апологій христіанской извѣстны намъ еще до временъ Оригеновыхъ. Св. Кодрать, епископъ Аѳинскій, св. Мелитонъ Сардійскій и особенно св. Іустинъ философъ — были первыми апологетами христіанства и первые оставили намъ свои опыты апологій. Но въ этихъ опытахъ мы далеко не встрѣчаемъ систематическаго изложенія защищаемой истины, далеко не видимъ еще полной и обстоятельной апологій христіанству. Апологеты боролись по преимуществу съ грубыми силами и насиліями властей языческихъ, или съ мнѣніями и суевѣріями невѣжественной и возмутительной толпы языческой и, естественно, не могли

*) См. Херсон. Епарх. Вѣдом. 1864 г. № 14.

употреблять противъ нихъ средства систематическія, пользоваться пріемами борьбы строго-научными. Но во времени Оригена характеръ нападеній язычества на христіанство совершенно измѣняется: язычество возстаетъ теперь противу христіанства, какъ система противъ системы, и, вмѣсто грубыхъ насилій и невѣжества возмутительной черни своей, собираетъ и, въ доктринахъ Цельса, Порфирія, Юліана и другихъ ученыхъ представителей и вожатыхъ своихъ, выставляетъ противъ него всѣ средства своей науки и образованія, всю систему многовѣковой жизни своей и развитія политическаго, умственнаго и религіознаго. Эти новыя нападенія на христіанство естественно не могли не вызывать въ христіанахъ сознанія необходимости и усилій въ пріобрѣтеніи столько же новыхъ и соотвѣтственныхъ нападеніямъ средствъ и пріемовъ отраженія ихъ. Христіане видимо сознаютъ теперь неумѣстность прежнихъ простыхъ жалобъ своихъ на насилія и просьбъ о защитѣ отъ нихъ *); чувствуютъ, что защищаемая ими истина не иначе можетъ устоять противъ напора лжи и заблужденія, какъ если дѣло о ней ведено будетъ судомъ строго-научнымъ, путемъ систематическимъ. Въ сихъ видахъ они усердно посѣщаютъ теперь знаменитыя школы язычества; не щадятъ средствъ для устройства и развитія собственныхъ библиотекъ и училищъ; изучаютъ науки словесныя, историческія физико-математическія, философскія и проч., и столь положительно развиваютъ силу собственной науки, что въ лицѣ Климента Александрійскаго и его метафизической системѣ христіанства она оказывается уже могучимъ исполиномъ, въ виду котораго вся наука и всѣ знанія язычества, даже

*) Апологія до Оригена.

въ лучшихъ своихъ представителяхъ, кажутся совершенно безжизненными и бездушными скелетами, готовыми разрушиться отъ одного дуновенія устъ его. Тѣмъ не менѣе, однакожь, до Оригена, христіанство не имѣло для себя полной и обстоятельной апологіи въ строгомъ смыслѣ этого слова. Система Климента была надежнымъ оплотомъ христіанству противъ грубаго матеріализма язычества вообще; но система эта имѣла въ виду только метафизическую сторону христіанства и не придавала особеннаго значенія сторонѣ его объективной. Она говорила только, что христіанство есть единая неоспоримая истина въ себѣ самомъ; но она ничего не говорила о томъ, есть ли оно столько же неоспоримая и идеальнѣйшая норма или начало жизни человѣчества, а потому и не исключала развитія такихъ идей и воззрѣній на христіанство, какія около этого времени встрѣчаются намъ — то въ «*Λόγος ὁ ἀληθῆς*» Цельса, то въ доктринахъ Порфирія и Юліана. Трудъ полного оправданія и защищенія христіанства какъ истины, столько же высокой и неоспоримой со стороны положительныхъ дѣйствій ея въ жизни человѣчества, сколько и со стороны ея метафизической, былъ призваніемъ ученика и преемника Климента — Оригена.

Чтобы вѣрнѣе судить о характерѣ и значеніи этого труда и легче усвоить себѣ систему мыслей нашего апологета, — изложимъ эти мысли такъ, какъ послѣдовательно развиты онѣ самимъ Оригеномъ въ его «*Contra Celsum*».

Мы знаемъ уже, что главная цѣль, для которой было написано и издано въ свѣтъ «*Истинное ученіе*» Цельса, состояла въ томъ, чтобы подорвать въ общественномъ мнѣніи самыя основы христіанства, какъ системы вѣрованій и

убѣжденій общечеловѣческихъ. Въ видахъ этой цѣли эпикурейскій мудрецъ пользовался въ своемъ «*Истинномъ ученіи*» всевозможными противъ христіанства средствами своего языка и діалектики. Тутъ представлялъ онъ идеи и убѣжденія христіанъ — то какъ *ria desideria* невѣжества, то какъ мечтанія фанатическаго сумасбродства, то какъ выдумки лѣниваго и празднаго шарлатанства, то какъ революціонные замыслы религіознаго и политическаго честолюбія и вольнодумства, и проч..., и, въ конецъ концовъ, вель свои силлогизмы и діалектику съ такимъ искусствомъ и ловкостію, изъ-за которыхъ, какъ-бы само собой и какъ нельзя естественнѣе, выросло то категорическое и общее заключеніе, что христіанство отнюдь не можетъ быть примиримо ни съ требованіями общественнаго благополучія, ни съ понятіями здраваго разума, ни съ достоинствами религіи; что оно даже не можетъ и рѣшительно не должно быть терпимо въ обществѣ — ни съ точки зрѣнія политической, ни съ точки зрѣнія философской, ни съ точки зрѣнія религіозной. Съ такою неподражаемою и вмѣстѣ — серіозною простотою формулируетъ Оригенъ въ своемъ «*Contra Celsum*» внутреннее содержаніе и основную нить развитія «*Истиннаго ученія*» Цельса, — и это простое начало его оппозиціи Цельсу было, думаемъ, не малымъ, въ глазахъ современнаго Оригену общественнаго мнѣнія, ручательствомъ за то, что онъ дѣйствительно *выведетъ* своего противника *на чистую воду*. Что же противопоставляетъ Оригенъ «*Истинному ученію*» Цельса?

Главная мысль Оригеновой апологіи христіанству, какъ и Оригеновой системы вообще, состоитъ въ томъ, что христіанство есть полнѣйшее и совершеннѣйшее откровеніе

истины въ мірѣ и что съ появленіемъ его человѣчеству не остается уже желать ничего лучшаго. Въ видахъ этой основной мысли и въ противоположность тремъ главнымъ пунктамъ возраженій Цельса, Оригенъ защищаетъ и оправдываетъ христіанство съ трехъ сторонъ: 1) со стороны отношеній его къ государству или обществу; 2) со стороны отношеній къ наукѣ или философіи и 3) со стороны высочайшаго внутренняго характера и необычайной силы его, какъ религіи Богооткровенной.

1) Христіанство въ его отношеніяхъ къ государству или обществу.

Въ доказательствахъ непримиримости христіанства съ началами политики и противорѣчія его интересамъ общественнымъ Цельсъ начиналъ съ того, что представлялъ христіанъ общественными тунеядцами, трактовалъ ихъ какъ эгоистовъ, которые не хотятъ служить ни императору, ни имперіи, отказываются отъ рекрутскихъ повинностей, не принимаютъ должностей общественныхъ и проч., и все это приводилъ къ тому категорическому заключенію, что терпѣть христіанъ въ обществѣ — было бы не въ видахъ матеріальнаго блага гражданъ и вовсе не въ духѣ общественнаго патріотизма. Что же говорилъ противъ этого Оригенъ? «Когда требуетъ того дѣйствительная нужда, мы съ радостію», говорилъ онъ, «спѣшимъ помогать императору и имперіи, и наша помощь тѣмъ важнѣе и дѣйствительнѣе для нихъ, что мы не выставляемъ съ ней предъ глазами другихъ, но собираемся для этого въ мѣстахъ сокровеннѣйшихъ, въ которыхъ, облеченные въ брони Божіи, подобно

священникамъ простираемъ мы руки свои къ небу, прося и моля Господа о благополучіи нашихъ согражданъ. Но такъ какъ враги вѣры нашей непремѣнно требуютъ», продолжаетъ онъ, «чтобы ради блага общественнаго мы принимались за оружіе и умерщвляли подобныхъ же намъ людей, то отвѣчаемъ имъ: ваши собственные священники не стараются ли хранить руки свои чистыми и нескверными, когда ухаживаютъ за идолами и отправляютъ службы въ храмахъ боговъ вашихъ? Не заботятся ли о томъ, чтобы не коснуться жертвы боговъ или — не принести имъ оной окровавленными и нечистыми руками? Вѣрные богамъ своимъ и священнымъ обычаямъ — не требуете-ль вы отъ жрецовъ вашихъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не оставляли алтарей и не становились въ ряды и подъ знамена воиновъ? Вы называете это разумными обязанностями, достоцестнымъ поведеніемъ и проч. Пусть будетъ такъ. Но, постарайтесь подумать, — не разумнѣе ли, не достойнѣе ли всего этого, когда мы — христіане, священники и рабы высочайшаго Бога, не принимаемся за оружіе и сохраняемъ руки свои чистыми и неоскверненными для того, чтобы дерзновеннѣе поднимать ихъ къ небу и дерзновеннѣе молить Господа нашего, дабы Онъ всемогущій споборалъ нашихъ воиновъ и военачальникамъ, справедливо и законно сражающимся, и помогалъ имъ ниспровергнуть и уничтожить враговъ отечества? Между тѣмъ вы доказываете, что мы — люди неблагодарные къ своему отечеству; что мы никогда и ничѣмъ не желаемъ помочь ему во время опасности отъ враговъ. Напротивъ, мы столько усердствуемъ къ нему и такъ дѣйствительно помогаемъ ему, какъ никто изъ обвинителей нашихъ. Ибо чѣмъ кто богобоязненнѣе,

тѣмъ сильнѣйшую оказываетъ онъ помощь императорамъ и властямъ, тѣмъ крѣпчайшимъ оружіемъ владѣть противъ враговъ. Что же касается должностей общественныхъ, то мы стараемся избѣгать ихъ совсѣмъ не для того, чтобы избѣгать соединенныхъ съ ними трудностей, и вовсе не потому, чтобы не имѣли силъ и способностей къ отправленію ихъ; но для того, чтобы сохранить и посвятить свои силы и время болѣе высшимъ и священнѣйшимъ обязанностямъ, — служенію Церкви, отъ котораго зависитъ истинное благо и спасеніе людей». Такъ защищаетъ Оригенъ христіанъ отъ несправедливостей Целса.

Цельсъ представлялъ христіанъ людьми безъ всякихъ патріотическихъ чувствъ и трактовалъ ихъ какъ бремя, сносить которое было бы рѣшительно не въ видахъ матеріальнаго блага гражданъ и государства; говорилъ о нихъ, какъ о людяхъ подозрительныхъ и опасныхъ для государства по своему вѣроисповѣданію и ученію. Христіане, говорилъ онъ, проповѣдуютъ какое-то тайное ученіе и въ своихъ секретныхъ собраніяхъ развиваютъ идеи, противныя государственнымъ законамъ и интересамъ страны. Въ опроверженіе этого Оригенъ доказывалъ, что безъ разбору запрещать христіанамъ собранія ихъ было бы вовсе не духъ здраваго государственнаго смысла и не въ видахъ гуманной политики властей. Прежде всего нужно, говорилъ онъ, имѣть въ виду тѣ цѣли, которыя лежатъ въ основѣ ихъ. «Если нельзя обвинять тѣхъ», говорилъ апологетъ, «кои заключаютъ тайный союзъ, чтобы низвергнуть тирана, оскорбляющаго народныя права и свободу; то тѣмъ болѣе несправедливо обвинять христіанъ за то, что, чувствуя всю тяжесть насилій надъ міромъ одного всеобщаго тирана,

называемаго у нихъ дьяволомъ и сознавая всю силу лжи и неправды, которыя онъ хотѣлъ бы воцарить между людьми, собираются они и составляютъ единомышленный союзъ, чтобы разрушить царство его и возвратить ко спасенію тѣхъ, кои уклонились отъ него». Что же касается обвиненій въ томъ, будто ученіе христіанъ есть какое-то тайное ученіе, есть система идей и плановъ, свойственныхъ только религіозному и политическому честолюбію, — противъ всего этого прямо говоритъ всеобщая извѣстность христіанства какъ системы. «Міръ», говоритъ апологетъ, «гораздо лучше и вѣрнѣе знаетъ то, во что вѣрують и чему учатъ христіане, чѣмъ то, что проповѣдуютъ его мудрецы или философы. Кому, въ самомъ дѣлѣ, изъ васъ не извѣстна наша проповѣдь и наши доказательства, что Іисусъ родился отъ Дѣвы, умеръ на крестѣ, воскресъ изъ мертвыхъ и опять придетъ на землю, чтобы судить вселенную? Не закрываютъ-ли невѣрующіе слухъ свой отъ проповѣди нашей о воскресеніи мертвыхъ и не ежедневно ли смѣются они надъ нашимъ ученіемъ, потому что не въ состояніи представить себѣ нашихъ таинъ? Ясное дѣло, что только тотъ, кто обвиняетъ насъ въ сокровенности нашего ученія, можетъ говорить «тѣ недѣлности, которыя онъ говоритъ противъ насъ».

Но жолчныя и раздражительныя нападенія Цельса на христіанъ съ точки зрѣнія политической не ограничивались тѣмъ, что онъ представлялъ ихъ на судъ обществу, какъ людей въ высшей степени подозрительныхъ и опасныхъ для общества. Въ заключеніе своей полемики онъ трактовалъ самый принципъ христіанства революціоннымъ, а приверженцевъ его — революціонерами. Въ опроверженіе этого

обвиненія нашъ апологетъ спокойно говорилъ, что въ основаніи ученія и поступковъ христіанъ лежатъ не бунты, не мятежничества, не возмущенія, а духъ высокаго мира и любви къ всѣмъ, даже къ несправедливѣйшимъ изъ враговъ, — тотъ духъ, который вовсе не по душѣ возмутителямъ общественной тишины и спокойствія и столько же непричастенъ ихнимъ планамъ и предпріятіямъ, какъ свѣтъ непричастенъ мраку и тьмѣ. «Христось ясно училъ и заповѣдалъ», говоритъ апологетъ, «чтобы ученики Его ни въ какомъ случаѣ не прибѣгали къ силѣ или насиліямъ, чтобы не употребляли ихъ даже въ отношеніи къ несправедливѣйшимъ и безбожнѣйшимъ изъ враговъ своихъ. Какъ же, послѣ этого, могли бы христіане держаться этого ученія и закона мира, требующихъ столь безотвѣтной кротости и не дающихъ ни малѣйшаго права личной защиты и обороны противъ враговъ, если бы началомъ и основаніемъ общественныхъ и другихъ убѣжденій и стремленій ихъ было возмущеніе или ниспроверженіе существующаго порядка вещей? А они, какъ извѣстно это и врагамъ нашимъ, съ рѣдкимъ постоянствомъ и твердостью держатся этого ученія и закона Христова и вѣрно хранятъ оныя... Христіане, говорите вы, непокорны волѣ императоровъ и властей? Правда, — мы непокорны и не хотимъ покоряться имъ; но только въ тѣхъ случаяхъ, когда они требуютъ отъ насъ противнаго слову или закону Божію. Когда же требованія ихъ согласуются съ ученіемъ или закономъ Христовымъ, то мы признаемъ безумнымъ — въ чемъ бы-то ни было противиться имъ и своимъ противленіемъ подвергать себя гнѣву и ярости ихъ. Развѣ не извѣстно врагамъ нашимъ, что мы получили прямую заповѣдь — повиноваться

всякому начальству и властямъ предержавшимъ и признавать надъ собою силу ихъ?... Насъ упрекають въ неблагодарности къ властямъ, въ презрѣніи ихъ. Упрекъ дѣйствительно резонный; но только потому, что намъ вовсе не свойственно снискивать себѣ милости и благоволеніе властей рабскою лестью передъ ними, подлымъ низкопоклонничествомъ и особенно пренебреженіемъ или измѣною тѣмъ обязанностямъ, какими повинны мы нашему высочайшему Богу». Въ своей антиполемикѣ апологетъ христіанскій достигаетъ, очевидно, до того пункта, гдѣ не представлялось уже, да и не могло представляться ему ничего другого, кромѣ неизбежнаго столкновенія законовъ и требованій христіанства съ уставами и предписаніями государственными. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что подобныя столкновенія свойственны и, какъ нельзя больше, въ духѣ такъ называемыхъ — переходныхъ эпохъ историческихъ, — эпохъ, въ которыя, вопреки всѣмъ старымъ, одряхлѣвшимъ и отжившимъ началамъ, возникаютъ и развиваются новыя, полныя жизни и сильныя своей внутренней правдою — начала жизни человѣческой. Замѣтимъ только, что эти столкновенія особенно неизбежны были въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ христіанства, когда христіанство, уже по самому неземному происхожденію своему — уполномоченное всѣми правами на жизнь, болѣе и болѣе давало чувствовать одряхлѣвшему язычеству исполинскую силу свою и заставляло его сознать крайнюю передъ Христовымъ ученіемъ несостоятельность даже въ столь, повидимому, укрѣпленномъ и неприступномъ пунктѣ его убѣжища — въ быту государственномъ. Чтобы опрокинуть самый принципъ Цельсова обвиненія, Оригенъ заканчиваетъ

свое опроверженіе тѣмъ, что причины всѣхъ опасеній, какія рождаются у политиковъ относительно христіанъ, первѣе всего и главнымъ образомъ заключаются не въ тѣхъ революціонныхъ идеяхъ и замыслахъ, какіе воображаетъ и навязываетъ христіанамъ Цельсъ, а въ крайнемъ внутреннемъ безсиліи самихъ началъ политики, во внутреннихъ противорѣчіяхъ одного-другому самихъ законовъ, уставовъ, и предписаній государственныхъ, чего не можетъ не чувствовать ни одинъ изъ гражданъ, которому болѣе или менѣе близки и дороги дѣйствительные интересы и благо родины.. Опираясь въ своемъ обвиненіи христіанъ на понятія государственныхъ законовъ и обычаевъ страны, Цельсъ трактовалъ христіанъ, какъ возмутителей и преступниковъ политическихъ и религіозныхъ. Онъ говорилъ: кто хранитъ отечественные обычаи и соблюдаетъ отечественные уставы, тотъ, и только тотъ — истинно набоженъ и благочестивъ; кто же презираетъ оныя и идетъ прямо наперекоръ ихъ требованіямъ, — тотъ безбоженъ». Какъ же это такъ? спрашиваетъ Оригенъ: «Справедливо ли, судя по этому, или преступно поступаютъ тѣ изъ вашихъ философовъ (какъ видно — Оригенъ задѣваетъ особенно самого Цельса), которые проповѣдуютъ полное безвѣріе, презираютъ отечественныхъ боговъ и смѣются надъ всѣми священными обычаями и вѣрованіями гражданъ? Справедливо ли, или несправедливо поступаютъ блюстители законовъ и обычаевъ вашихъ, когда, въ свою очередь, не обращаютъ на это никакого вниманія? Развѣ, на самомъ дѣлѣ, для философовъ вашихъ не полагается у васъ никакихъ законовъ и обычаевъ? Развѣ философія ихъ даетъ имъ полную власть и права — безнаказанно презирать и боговъ, и обычаи

страны, и законы, и вообще все священное для васъ? Если же философамъ вашимъ предоставляется у васъ, во имя философіи, свободно дѣлать все то, что они дѣлаютъ и что указываетъ имъ ихняя философія; то почему преслѣдуете насъ — христіанъ, когда, во имя и по требованіямъ вѣры нашей, мы обращаемся съ молитвою къ единому высочайшему Виновику и Творцу всего міра, а не къ вашимъ бездушнымъ истуканамъ и идоламъ? Ваши философы могутъ сквернить свое призваніе всевозможными пороками и преступленіями: почему же не могутъ и не должны возвышать своего высокаго призванія христіане — вѣрнымъ и точнымъ выполненіемъ священныхъ своихъ обязанностей? Язычники говорятъ: «кто хранить законы страны или отечества, — тотъ богобоязненъ и благочестивъ; кто преступаетъ эти законы, — тотъ безбоженъ». Но законы, о которыхъ съ такою гордостію и самонадѣянностію трактуютъ язычники, какъ о чемъ-то непогрѣшимомъ, на дѣлѣ суть не что иное — какъ смѣсь самыхъ разнообразныхъ, туманныхъ, сбивчивыхъ, взаимно-противорѣчащихъ понятій о благочестіи и нечестіи, о долгѣ и преступленіи, о добродѣтели и пороѣ; такъ что между самими поклонниками этихъ законовъ едва-ли найдется хоть одинъ, который бы могъ знать, чего требуютъ они отъ гражданъ и что запрещаютъ имъ; который бы отличилъ справедливость отъ лжи, честность отъ безсовѣстности, достоинство отъ безобразія, богобоязненность отъ безбожія. Тутъ одинъ законъ строго предписываетъ то, что столько же строго запрещаетъ другой; одинъ — какъ высокую доблесть расхваливаетъ то, что — какъ безобразіе и уродство порицается другимъ. Могутъ-ли подобные законы усиливать въ гражданахъ

благочестіе и отвращать ихъ отъ пороковъ, воспитывать истинныхъ сыновъ и слугъ отечеству и избавлять его отъ уродовъ? Говоря строго: по этимъ законамъ гражданинъ не можетъ быть ни благочестивымъ, ни безбожнымъ; онъ можетъ только быть благочестивымъ и безбожнымъ — вмѣстѣ. Съ такою наглядностію и такъ категорически обнаруживаетъ Оригенъ безсодержательность и внутреннее противорѣчіе самаго принципа Цельсовыхъ нападеній на христіанъ съ точки зрѣнія политической. Послѣ этого Оригену, по видимому, не оставалось ничего, какъ съ презрѣніемъ отворотиться отъ своего обезоруженнаго и израненнаго врага и наслаждаться полнымъ торжествомъ побѣдителя. Но не таковъ былъ Оригенъ: онъ боролся съ врагами и побѣждалъ ихъ вовсе не для того, чтобъ любоваться ихъ униженіемъ и торжествовать побѣды; а для того, чтобы, давъ имъ почувствовать внутреннюю ложь и обманъ своего положенія, указать имъ и заставить подумать о томъ, что только истина можетъ быть надежнымъ началомъ жизни человѣка внѣшней и внутренней, что на ней только можетъ быть утверждено наше дѣйствительное и непоколебимое счастье, наша внутренняя и внѣшняя сила и могущество, наши прочныя понятія, связи и отношенія общественныя и религіозныя, — вся внутренняя и внѣшняя правда наша, какъ правда жизни не отдѣльнаго только человѣка, не того или другого изъ насъ, а цѣлыхъ государствъ и народовъ, цѣлаго человѣчества. Въ сихъ видахъ онъ предлагаетъ язычникамъ свои собственныя мысли касательно началъ, по коимъ всего естественнѣе и легче могутъ быть обнаруживаемы — цѣлесообразность или безсодержательность тѣхъ или другихъ законовъ, внутренняя ихъ правда или ложь.

«Есть», говоритъ Оригенъ, «двоякаго рода законы: законы природы или законы *естественные*, происходящіе отъ Бога—Творца природы, и *писанные* законы государствъ и народовъ. Чѣмъ легче понимаются эти послѣдніе законы всеми членами общества и долше предпочитаютъ иноземнымъ законамъ, тѣмъ они цѣлесообразнѣе, тѣмъ болѣе согласны они съ законами Божиими. Если же законы природы, происходящіе отъ Творца природы, указываютъ намъ нѣчто такое, въ чемъ несогласны съ ними законы писанные; то разумъ требуетъ, чтобы законы писанные и авторитеты законодателей отнюдь не были предпочитаемы законамъ естественнымъ. Ради предпочтенія законовъ естественныхъ, ради признанія Виновника ихъ единымъ нашимъ Законодателемъ и ради жизни, по волѣ Его, мы должны, если бы указала нужда, подвергнуться опасностямъ, перенести страданія и даже умереть. А если разумъ требуетъ того, чтобы законы естественные всегда были предпочитаемы законамъ писаннымъ; то тѣмъ болѣе непротивно ему, когда въ такихъ пунктахъ ученія, кои касаются вопросовъ о Божествѣ, прежде всего будемъ полагаться на ихъ указанія, а не на указанія законовъ писанныхъ. Разумъ требуетъ, что долженъ быть только одинъ законъ, повелѣвающій природою и царящій надъ вселенною, какъ одинъ Виновникъ всего и Законодатель — Богъ. Итакъ, не разумиѣ-ли признать единымъ всеобъемлющимъ и непреложнымъ закономъ волю Божию, сотворившую всю вселенную и всякое бытіе?.. Сему-то единому закону и желаемъ всегда и неуклонно слѣдовать мы, христіане.

Сообразивъ весь рядъ доводовъ Оригена въ защиту христіанъ, какъ гражданъ, приходимъ къ слѣдующимъ за-

ключеніямъ : интересы безусловной истины безконечно выше всѣхъ интересовъ гражданскихъ. Въ случаяхъ столкновенія законовъ Божественныхъ съ законами государственными, — послѣдніе всегда должны уступать первымъ. Таковы истинныя отношенія христіанства къ обществу и общества къ христіанству.

2) *Христіанство въ его отношеніяхъ къ философіи.*

Въ доказательствахъ непримиримости христіанства съ философіей Цельсъ, какъ и вообще ученые язычники трехъ первыхъ вѣковъ христіанства, проводилъ особенно ту общую мысль, что начала вѣры христіанской — не только не въ интересахъ благодѣтельной науки и знанія, но прямо и непосредственно влекутъ за собой невѣжество, неизбежный застой и рутину умственную. Исходя отъ этой общей мысли, онъ трактовалъ христіанство — какъ такое ученіе, которое требуетъ отъ своихъ послѣдователей безусловной, слѣпой вѣры и только въ силу этого требованія увеличиваетъ число своихъ приверженцевъ. Въ опроверженіе этого Оригенъ говорилъ и доказывалъ Цельсу, что если въ основаніи всѣхъ убѣжденій христіанъ лежитъ вѣра, то это не даетъ еще никакихъ поводовъ обвинять ихъ въ слѣпотѣ, въ невѣжествѣ, въ неспособности къ серіознымъ научнымъ знаніямъ; напротивъ, вѣра составляетъ столь естественное начало и столь существенный исходный пунктъ нашихъ знаній, что ее необходимо предполагаетъ самая философія. «Какъ въ серіозныхъ предпріятіяхъ жизни, такъ и въ обыденныхъ занятіяхъ», говорилъ Оригенъ, «люди обыкновенно и прежде всего обращаются къ вѣрѣ, и что-только

ни начинаютъ, непремѣнно начинаютъ надеждою на благоприятный исходъ начинаній своихъ. Сады ли насаждаютъ, засѣваютъ ли поля, отдаются ли вѣтрамъ и волнамъ морскимъ, женятся ли, рѣшаются-ль на сомнительныя какія-нибудь предпріятія, — все это предпринимають потому только, что вѣруютъ въ благополучный исходъ предпріятій своихъ. Таково-же значеніе вѣры и въ области нашихъ знаній или научнаго образованія. Почему, на примѣръ, тѣ изъ людей, кои желаютъ изучить философію, избирають для себя именно тѣхъ, а не другихъ учителей, — тѣ, а не другія школы, какъ не потому, что вѣрятъ въ преимущества этихъ учителей и школъ предъ всѣми другими? Почему прежде нежели рѣшаются они слушать этихъ учителей и посѣщать эти школы, — не принимаютъ на себя труда критически обозрѣть начала разныхъ философскихъ партій, оцѣнить доказательства миѣній одной изъ нихъ противъ другой? Если же никто не трактуеть этого въ дурную сторону, то тѣмъ болѣе несправедливо трактовать въ худую сторону тѣ, когда мы — христіане, вмѣсто всѣхъ доказательствъ философовъ, довольствуемся увѣреніями самаго Господа; когда истина или содержаніе вѣры нашей свидѣтельствуется самимъ Богомъ, Христомъ и Апостолами. Ибо не разумѣли-ли, не досточестнѣли вѣровать высочайшему Богу и Христу, котораго Онъ послалъ? Нашъ Господь принялъ на Себя и совершилъ столь великія дѣла: какъ же принялъ бы и совершилъ Онъ все это, если бы съ Нимъ не былъ самъ Богъ? Откуда взялъ бы Онъ тѣ божественныя силы духа, ту безконечную готовность, съ которыми, ради откровенія намъ — жителямъ земнымъ высочайшаго Своего ученія, перенесъ столь жесточайшія

страданія, претерпѣлъ столь позорнѣйшую и мучительнѣйшую изъ смертей? Могъ ли бы Онъ даровать ученигамъ и апостоламъ, коихъ избралъ для проповѣди Евангелія всѣмъ людямъ и всему міру, тѣ силы мужества и неустрашимости, съ которыми служили они дѣлу благовѣстія въ виду всевозможныхъ страховъ и опасностей? Вотъ на чемъ основываемъ мы вѣру нашу и думаемъ, что при столь очевидныхъ доказательствахъ ея истинности нѣтъ даже и надобности доказывать кому-либо, что она и естественна, и разумна, и не боится никакихъ обвиненій со стороны враговъ своихъ».

Продолжая свои нападенія, Цельсъ доказывалъ, что вѣра христіанъ, неестественная и противная разуму, тѣмъ болѣе неестественна и противна сердцу и посему вовсе не имѣетъ силы исправлять и возвышать нравственность человѣка или содѣйствовать его благочестію. Противу сего нашъ апологетъ говорилъ: «Только вѣра христіанская, только она одна и владѣетъ дѣйствительною силой отвращать людей отъ пороковъ и вдыхать въ нихъ духъ истиннаго благочестія. Языческіе ораторы и философы съ блестящимъ краснорѣчіемъ и искусствомъ излагаютъ свое ученіе о высочайшемъ добрѣ, о природѣ души и блаженствѣ за гробомъ; они безустанно проповѣдуютъ о нравственности, о добродѣтели, объ обязанностяхъ: но не смотря на это, они рѣшительно не имѣютъ силы овладѣвать своими слушателями и направлять волю и сердце ихъ къ истинно-доброму и прекрасному. Ученики же Иисусовы — люди бѣднаго происхожденія и вовсе не знакомые съ мудростію философовъ и искусствомъ ораторовъ, увлекали за собой цѣлыя тысячи и овладѣвали слушателями до того, что

каждый изъ нихъ скорѣе бы умеръ, чѣмъ разстался съ ихнимъ ученіемъ или измѣнилъ ему. Что-же? возможно-ли было бы это, если бы проповѣдь учениковъ Иисусовыхъ не имѣла для себя основаній въ самыхъ глубинахъ духа и сердца человѣческаго; если бы та вѣра, какою они проповѣдывали, не имѣла силы направлять человѣка на путь благочестія и спасенія?» Такимъ образомъ вѣра христіанъ и естественна и вполне довлѣетъ къ благочестію и спасенію человѣка. Но необходима ли эта вѣра по отношенію къ цѣлому человѣчеству?

«Если нашъ Спаситель», говоритъ Оригенъ, «непремѣнно хотѣлъ того, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ только вѣра имѣла силу и значеніе; то этимъ онъ хотѣлъ указать на вѣру, какъ на помощь необходимую для всѣхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ: много-ль найдется между людьми такихъ, кои имѣли бы возможность со строгимъ вниманіемъ и безошибочно изслѣдовать истину? Не больше ли, напротивъ, такихъ, коимъ, вовсе не по силамъ это изслѣдованіе? Тутъ-то и необходима помощь вѣры; — такъ увѣровали многія тысячи, бывъ извлечены вѣрою изъ пропасти грѣховъ и пороковъ... Враги вѣры нашей смѣются надъ простодушною вѣрой христіанъ и обвиняютъ ихъ въ слѣпотѣ вѣрованій и убѣжденій: но не лучше ли, не разумнѣе ли — вѣровать въ простотѣ сердца и сообразно съ этой вѣрой исправлять свою жизнь, — чѣмъ оставаться безъ исправленія и улучшенія дотола, пока не будетъ разобрано и изслѣдовано все, что составляетъ содержаніе нашей вѣры? Христіанская вѣра, говорятъ, какъ вѣра простая, можетъ быть достояніемъ только людей необразованныхъ, низкихъ, мало понимающихъ: но образованнымъ и знатнымъ развѣ

недоступна простота нашей вѣры?... Напротивъ, простота нашей вѣры и служить яснымъ доказательствомъ того, что наша вѣра есть достояніе всеобщее; что она есть дѣйствительное достояніе не простыхъ только и низкихъ, но и образованныхъ и знатныхъ; что она равно служитъ всеѣмъ людямъ и равно стремится привести къ Богу всеѣхъ. Что же касается философіи, то въ ней едва-ли найдемъ эту всеобщность и безъисключительность стремленій: философъ не хочетъ знать и думать о томъ, что діалектическія рѣчи его всеѣмъ недоступны людямъ простымъ и необразованнымъ; онъ имѣетъ въ виду только тѣхъ, кои свѣдуши въ философіи и другихъ наукахъ, и, стало быть, заключаетъ свои стремленія — служить міру въ самыя тѣсныя границы.» Такимъ образомъ вѣра христіанъ, какъ непосредственная увѣренность въ истинѣ того, чему учитъ христіанство, опять не только естественна, но и необходима всеѣмъ и каждому изъ людей. Такимъ образомъ, все возраженія и нападенія Цельса на формальную сторону вѣры христіанской оказываются безсильными; въ нихъ видна одна желчная діалектика одряхлѣвшей языческой мудрости.

Но возраженія Цельса не ограничивались только формальною стороною дѣла; онъ нападалъ и на внутреннюю его сторону — на самое содержаніе вѣры. Доказывая непримиримость съ разумомъ самаго содержанія вѣры, Цельсъ говорилъ, что это содержаніе не простирается дальше буквы христіанскихъ писаній и не даетъ никакой пищи уму и знаніямъ. На это Оригенъ говорилъ: «Не смотря на всю простоту свою, слово Божіе все — отъ начала и до конца проникнуто и запечатлѣно высокимъ и глубокимъ смысломъ для тѣхъ, кои хотятъ смотрѣть открытыми глазами.

Безъ сомнѣнія, — тѣмъ, кои стоятъ и продолжаютъ стоять у подошвы горы, потому что не въ силахъ взойти на вершину ея, — тѣмъ невозможно видѣть всю величественную красоту и изумительную необъятность этого слова. Но тѣмъ, кои имѣютъ силу взойти на эту высочайшую гору Господню, — тѣмъ открывается оно въ своемъ божественномъ величїи и славѣ».

Цельсъ говорилъ, что христіанство, проповѣдую буйство и отрицая мудрость, идетъ прямо противъ благодѣтельной науки и на мѣсто ея хочетъ воцарить невѣжество; жалкое ученіе: оно боится свѣта! Апологетъ нашъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: «Христіане отнюдь не пренебрегаютъ наукой; они презираютъ только мудрость міра сего, которая состоитъ большею частію въ ложныхъ мнѣніяхъ. Если же христіане хвалятъ буйство; то хвалятъ не невѣжество, а то ученіе, которое міръ думаетъ находить таковымъ, — хвалятъ проповѣдь о распятомъ Иисусѣ, которую міръ называетъ невѣжествомъ. Что касается обвиненія, будто христіанство боится науки и изслѣдованій, — то это обвиненіе несправедливо и нечестно всего болѣе. Мы постоянно зовемъ: смѣлѣе подходите, скорѣе приближайтесь къ намъ, вы, ученые, образованные и мудрые; мы прибавляемъ къ этому: не отставайте и вы, простодушные, униженные и незнатные. Христіанство не насилуетъ ничьей свободы, и тотъ, кто пожелалъ бы не только вѣровать, но и освѣтить вѣру свою сознаніемъ, — тотъ пусть да сохраняетъ неприкосновенную свободу свою. Ибо для нашего ученія и полезнѣе, и достославнѣе, когда вѣра наша утверждается и оправдывается серіознымъ знаніемъ. Къ тому-жъ: гдѣ и цѣль нашихъ знаній, какъ не въ христіанствѣ? Гдѣ,

какъ не здѣсь, истинная жизнь нашего разума? Тутъ Самъ Богъ учитъ людей истинѣ. Въ силу этого характера своего наука христіанская есть — какъ бы даръ благодати Божіей, коего не иначе можно удостоятся, какъ чрезъ строгую благочестивую жизнь. Господь ниспосылаетъ этотъ даръ, но ниспосылаетъ только тѣмъ, которые стараются быть достойными и готовыми къ принятію его. Ибо что можетъ быть выше этого дара мудрости, которая посвящаетъ насъ въ таинства, сокровенныя отъ вѣчности, открывавшіяся въ писаніяхъ пророческихъ и раскрытыя въ явленіи нашего Господа Ісуса Христа?»

Ясно, такимъ образомъ, что человѣческая мудрость относится къ мудрости божественной, открытой и даруемой христіанствомъ, какъ предварительная ступень, какъ пропедевтика или «училище, въ которомъ мы какъ бы упражняемъ свой умъ и дѣлаемъ его болѣе способнымъ къ принятію откровеннаго вѣдѣнія», тогда какъ откровенное вѣдѣніе относится ко всѣмъ человѣческимъ знаніямъ — какъ цѣль, къ которой стремятся они. Поэтому, — чѣмъ сильнѣйшимъ умомъ и серіознѣйшими знаніями научными владѣетъ человѣкъ; тѣмъ скорѣе и легче пойметъ и приметъ онъ надежду небесныхъ благъ. Это не значить, однако-жъ, что святилище мудрости божественной было открыто только мудрецамъ міра и заключено для тѣхъ, кои не изучали мудрости человѣческой: мудрость человѣческая большею частію идетъ наперекоръ мудрости божественной и есть только жалкое неразуміе»....

Весь рядъ доводовъ, коими Оригенъ защищаетъ христіанство отъ обвиненій въ непримиримости его съ философіей, можетъ быть сокращенъ въ слѣдующія положенія:

христіанство есть совершеннѣйшая жизнь ; оно прежде всего есть достояніе сердца, которое непосредственно пріобщается этой жизни. Но, будучи высочайшею жизнью, христіанство есть, вмѣстѣ съ этимъ, высочайшая, полнѣйшая, всесторонняя и всеобъемлющая истина, внѣ которой не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ движеніи и истинной, цѣлесообразной жизни ума человѣческаго, о стремленіяхъ истинно-научныхъ или философскихъ въ строгомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова.

3) *Христіанство, какъ религія Богооткровенная.*

Въ жолчныхъ и раздражительныхъ нападеніяхъ своихъ на христіанство Цельсъ не ограничивался тѣмъ, что, представлялъ христіанство стихіей, враждебною началамъ политики и науки. Въ заключеніе своей полемической діалектики онъ трактовалъ христіанство, какъ религію безъ всякихъ внутреннихъ достоинствъ, безъ всякаго духа и силы, свойственныхъ истинной религіи, безъ всякихъ внутреннихъ основаній и доказательствъ. Но такъ какъ вообще вся чудесная область христіанства представляла Цельсу непреодолимое препятствіе къ достиженію цѣли, то есть, служила неопровержимымъ внутреннимъ оправданіемъ христіанства, какъ единой истинной и божественной религіи ; то онъ и старался теперь только о томъ, чтобы устранить изъ христіанства все чудесное, перетолковавъ или представивъ оное въ ложномъ свѣтѣ. Въ сихъ видахъ онъ дѣлаетъ всевозможныя натяжки и насилія надъ собственной діалектикой и философіей, надъ исторіей и естествовѣдѣніемъ : то говорить, что пророчества и чудеса христіанскія —

ложь и обманъ; то доказываетъ, что они — только протые мнѣны и легенды; то признаетъ фактическую сторону и историческую достовѣрность ихъ, но приписываетъ ихъ дѣйствию темной силы или искусству магіи, и проч..., и въ конецъ концовъ все направляетъ во славу язычеству и въ безчестіе христіанству. Въ опроверженіе этого Оригенъ ничего больше не дѣлаетъ, какъ предлагаетъ послѣдовательно характеристику пророчествъ, чудесъ, указываетъ на дѣйствіе Евангелія въ мірѣ и исторію его распространенія; но предлагаетъ и указываетъ такъ, что не остается уже никакой возможности не принять его предложенія и указанія. Въ соотвѣтствіе нападеніямъ Цельса апологетъ начинаетъ дѣло съ пророчествъ.

Какъ у древнихъ отцевъ Церкви Христовой, такъ особенно у Оригена, пророчества по преимуществу составляютъ историческое основаніе христіанской апологетики. Истинность пророчествъ или неподложность ихъ оказывается у него выше всякихъ сомнѣній и свидѣлствуется цѣлою исторіей еврейскаго народа, его гражданскимъ и религіознымъ бытомъ или устройствомъ, всѣми его надеждами, всѣми радостями и горестями и всей судьбой его. А высота, чистота и божественная святость ихъ особенно ясно и выразительно открывается у него въ противоположности ихъ языческимъ оракуламъ. «Господь никого не удостоиваетъ Своего общенія», говоритъ апологетъ пророчествъ, «кромѣ истинно-мудрыхъ умомъ и чистыхъ сердцемъ. Одни изъ пророковъ были наставлены въ мудрости еще до избранія ихъ на служеніе Богу; другіе были наставляемы и просвѣщаемы посредствомъ самаго дара предвѣдѣнія; всѣ же вообще — по строгой, постоянной и добродѣтельной жизни

своей были вполне достойны того, чтобы низходилъ на нихъ Духъ Божій и провѣщавалъ ихними устами. Кто же между идолами, кто между другими прорицателями языческими заслуживалъ того, чтобы возбудилъ его самъ Богъ, чтобы низшелъ на него самъ всесвятый Духъ Божій? Далѣе: человекъ, возбужденный и водимый Духомъ Божиимъ, прежде всего долженъ въ себѣ самомъ и въ своемъ собственномъ духѣ обнаруживать высокіе плоды присущей ему и дѣйствующей въ немъ силы Божіей, и чѣмъ долѣе ощущаетъ онъ въ себѣ присутствіе и дѣйствіе этой силы, тѣмъ сообразнѣе долженъ быть духъ его Духу Божію, тѣмъ острѣе и пронизательнѣе долженъ быть умъ его, тѣмъ свѣтлѣйшею и чистѣйшею должна становиться душа его, тѣмъ непорочнѣйшимъ — сердце его. Такими и были дѣйствительно пророки Божіи. Но можно ли указать на подобные же плоды Духа Божія, можно ли признать хотя что-нибудь похожее на эти дѣйствія силы Божіей — хотя въ одномъ изъ языческихъ прорицателей, которые, прежде чѣмъ начинаютъ свои прорицанія, стараются обыкновенно готовить себя къ онымъ разнаго рода изступленіями и бѣшенствами или неистовствами? Далѣе: все то, что только ни дѣлали пророки и что только ни совершаютъ теперь христіане, всегда дѣлалось и всегда совершается ими съ молитвою и въ молитвѣ. Напротивъ, прорицатели языческіе, какъ и вообще всѣ язычники, что только ни дѣлаютъ, непремѣнно дѣлаютъ посредствомъ волшебства, разнаго рода заклинаній, безстыдныхъ пѣсней, зелій, кореньевъ и тому подобныхъ вещей. Наконецъ, языческіе жрецы и прорицатели давали отвѣты свои не иначе, какъ за извѣстную мѣру золота, и ни больше, ни меньше отвѣчали вопрошающимъ, чѣмъ сколько они обязывались къ тому взносимую имъ условною

платою. Пророки же Божіи пророчествовали и дѣйствовали только ради любви къ истинѣ, съ силою и прямодушіемъ, свойственными только истиннымъ посланникамъ Божиимъ, и съ такимъ самоотверженіемъ, какое возможно только для людей, имѣющихъ въ виду не свои собственные интересы и пріобрѣтенія, а одно прославленіе имени Божія».

Кромѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ есть еще пророчества евангельскія. Господь неоднократно пророчествовалъ о богатомъ царствѣ Своемъ и будущихъ судьбахъ его. И эти предсказанія Господа со всею точностію оправдываются исторіею христіанства, также какъ неопровержимо доказывается ею божественность Самого Господа, изрекшаго эти предсказанія. «Перенесите мысль свою къ тому времени», говоритъ апологетъ, «когда Иисусъ изрекалъ Свои предсказанія и скажите— какое изъ этихъ предсказаній не исполнилось и не оправдалось на дѣлѣ со всею точностію? Онъ предсказывалъ, на примѣръ, что противъ ученія Его возстанутъ и будутъ свирѣпствовать цари и владыки земные; что всѣ ненавистники и враги Его окажутся безсильными въ борьбѣ противъ этого ученія; что Его ученіе, не смотря на всевозможныя къ тому препятствія, распространится во всѣ концы и отдаленнѣйшіе предѣлы земли... Что же, — укажете-ли хоть на что нибудь въ этомъ предсказаніи такое, что не оправдалось бы со всею полнотою и опредѣленностію на самомъ дѣлѣ?...»

Вслѣдъ за пророчествами Оригенъ ведетъ рѣчь свою о чудесахъ. Даръ чудесъ не былъ еще рѣдкостію во времена Оригена, — почему и отрицать чудеса не было тогда никакой возможности. «Однимъ произношеніемъ имени Иисусова, или однимъ чтеніемъ Евангелія», говоритъ Оригенъ, «еще доселѣ исцѣляютъ у насъ больныхъ и изгоняютъ нечистыхъ духовъ: еще

доселѣ сохраняются между христіанами слѣды Духа, который сошелъ нѣкогда въ видѣ голубя»... Къ тому-жь: самое распространіе вѣры Христовой простыми и необразованными рыбаками, — распространіе, сопровождавшееся почти непрерывными чудесами, или лучше — само бывшее однимъ высочайшимъ и непрерывнымъ дѣйствіемъ чудодѣйственной силы Божіей, въ свою очередь исключало всякую возможность заподозрѣвать или непризнавать чудесность христіанства, какъ религіи или откровенія божественнаго. «Если бы проповѣдь апостольская не сопровождается была чудесами», говоритъ Оригенъ, «то апостолы не могли бы заставить язычниковъ, кои проповѣдывали новую вѣру и ученіе, принимать эту вѣру и ученіе вопреки древнимъ суевѣрнымъ ихъ вѣрованіямъ и притомъ съ величайшею для нихъ опасностію жизни со стороны своихъ же соотечественниковъ. Апостолы были люди простые и некнижные», продолжаетъ онъ: «на что же другое могли полагаться они въ своей проповѣди, какъ не на ту божественную силу, которая одушевляла ихъ, какъ не на ту благодать Духа, которая сопровождала ихъ проповѣдь? Какъ самые слушатели апостоловъ могли бы на слово принимать ученіе ихъ, если бы не были возбуждаемы и направляемы къ тому сверхъестественною силою этого ученія и чудесами, кои сопровождали его?»

Но если враги чудесъ христіанскихъ не были въ состояніи отрицать фактическую или историческую сторону ихъ; то тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ нападали они на сторону ихъ, скажемъ, метафизическую: они приписывали чудеса христіанства темной силѣ бѣсовъ или демоновъ; они подводили ихъ подъ категорію явленій въ области натуральной магіи... Оригенъ не горячился и давалъ

полную силу спокойному обсужденію дѣла. «Всѣ кажущіяся или ложныя чудеса», говорилъ онъ, «необходимо предполагаютъ дѣйствительность чудесъ подлинныхъ, истинныхъ. Если же нельзя сомнѣваться въ этомъ, то тѣмъ больше нельзя отрицать того, чтобы нѣчто такое, что происходитъ и совершается посредствомъ злаго и темнаго искусства, не могло произойти и совершиться силою Божіей. Далѣе: положимъ, что, какъ говорятъ, ни доброе, ни злое начало не преобладаютъ одно надъ другимъ; положимъ даже, что злое начало преобладаетъ надъ добрымъ... Но слѣдуетъ ли отсюда, что начало доброе, начало истины недостаточно, для цѣлей бытія и жизни?... Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что всякій, кому вздумалось бы доказывать, будто чудесами открываетъ себя людямъ только сила злая и обманчивая, но отнюдь не Богъ правды и истины, — столько же разумень, какъ и тотъ, кто сталъ бы увѣрять, что въ дѣйствительности есть и должны быть только ложныя, только похожія на истину, хотя и лишеныя всякой истины заключенія; но что ни истины, ни науки различать справедливыя заключенія отъ ложныхъ — нѣтъ и быть недолжно».

Но если ложь и обманъ такъ искусно и ловко играютъ роль правды и истины, то гдѣ, спрашивается, тотъ критеріумъ, который бы давалъ намъ возможность безошибочно различать чудотворцевъ истинныхъ отъ обманщиковъ и чудеса дѣйствительныя отъ подложныхъ? «Такимъ критеріумомъ служить намъ, говоритъ Оригенъ, точное распознаніе жизни и поведенія тѣхъ и другихъ чудотворцевъ, раскрытіе способовъ и пріемовъ самого совершенія тѣхъ и другихъ чудесъ, точное опредѣленіе цѣлей, для коихъ совершаются,

и слѣдствій, какими оканчиваются чудеса, и тому подобное. Такъ, жизнь Спасителя міра есть образецъ святѣйшей и добродѣтельнѣйшей жизни для апостоловъ Его и для всего человѣчества; жизнь учениговъ Христовыхъ — тоже образецъ высокой жизни для всѣхъ насъ. Христосъ Спаситель и апостолы Его, совершая чудеса, совершали ихъ для спасенія міра и народовъ и имѣли въ виду не свою собственную славу, а прославленіе имени Божія тѣми, кои были свидѣтелями чудодѣйствій ихъ. Въ виду всего этого кто можетъ сомнѣваться, что нашъ Христосъ и и Его апостолы суть истинные посланники неба и неложные чудотворцы? Философы говорятъ, что изгонять бѣсовъ помогали Христу и апостоламъ только злые, нечистые духи: но какое противорѣчіе! Бѣсы помогаютъ изгонять бѣсовъ же!»

Но отдѣльныя или частныя чудеса христіанства, сколько ни поразительно говорятъ о божественности христіанства, малы передъ тѣмъ непрерывнымъ и всеобъемлющимъ чудомъ его, которое называемъ мы *мирообразовательною силою* христіанства и которое — какъ доселѣ служить человѣчеству, такъ и всегда будетъ служить ему вседовлѣющимъ доказательствомъ божественности Основателя христіанства и истинности Его Евангелія. «Вездѣ», говоритъ Оригенъ, «находятся церкви христіанскія; вездѣ свѣтять онѣ, какъ яркія звѣзды небесныя, и разгоняютъ мракъ всеобщей порчи человѣчества. Слово Господа Іисуса покорило себѣ весь родъ человѣческій, такъ что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ уже никакого сословія, никакого общества и поколѣнія людей, кои вовсе лишены были бы силы Евангелія. Къ новому ученію въ столь короткое время

обратились уже безчисленныя націи, и не просто обратились только, но и воодушевлены уже жертвовать за него жизнью. Могъ ли же совершить это Иисусъ, если бы съ Нимъ не былъ самъ Богъ? Возвратить здоровье больному можно, пожалуй, и безъ особенной силы: но возвратить тысячи людей съ путей порока къ добродѣтели, — кто могъ бы сдѣлать безъ Бога и силы Его?... Исторія свидѣтельствуетъ, да и сами мы знаемъ, что множество изъ тѣхъ, коихъ имена извѣстны теперь намъ, какъ имена великихъ исповѣдниковъ Иисусовыхъ, прежде-чѣмъ услышали они слово Евангелія, были людьми весьма порочными и погрязали въ нечистотахъ страстей своихъ. Но потомъ, — какая удивительная переменѣна произошла въ ихъ жизни! Съ того времени, какъ сдѣлались они учениками слова Христова, они сдѣлались смиренными, степенными, мудрыми и благочестивыми и всю жизнь свою проводили въ строгомъ служеніи Богу духомъ и истиною. Какъ же могла бы произойти такая спасительная переменѣна съ ними, если бы нашъ Христосъ не былъ отъ Бога, если-бъ ученіе Его не было отъ Духа Божія? Слыханное ли, возможное ли дѣло, чтобы человѣкъ, не облеченный силою сверхъестественною, могъ научить мудрости, добродѣтели и высокой нравственности столь безчисленное множество людей, не только мудрыхъ и разумныхъ, но по преимуществу такихъ, кои не хотѣли и слышать ни о какихъ внушеніяхъ разума, кои отдавались только своимъ развратнымъ склонностямъ и чѣмъ больше отдавались имъ, тѣмъ менѣе могли слушать и принимать внушенія разума? Все это множество обратившихся порицается и клеймится обыкновенно именемъ глупыхъ и презрѣнныхъ рабовъ: но мало ли примѣровъ

того, что тѣже самые обвинители, порицатели и судьи, кои такъ недавно еще жестоко обвиняли, порицали и судили это множество, теперь предались уже нашему Господу, оставили нецѣломудренную и грубую жизнь свою и вожделенія и стараются только о томъ, чтобы хранить души и сердца свои чистыми и непорочными? Разсказываютъ, что въ Аѳинахъ верховный первосвященникъ языческій непремѣнно обязывается, прежде чѣмъ приступить къ служенію богамъ, натирать срамные члены свои сокомъ изъ какихъ-то растений или кореньевъ, потому что ему невозможно быть увѣрену, что при самомъ служеніи онъ устоитъ противъ жара чувственныхъ пожеланій своихъ. Когда онъ дѣйствительно употребляетъ это средство, то между всѣми другими признается вполне чистымъ и способнымъ отправлять службы богамъ. Но между христіанами множество такихъ, кои ничего даже и не слыхивали о подобныхъ натираніяхъ и вовсе не нуждаются ни въ какихъ физическихъ средствахъ для того, чтобы чисто и безгрѣшно служить Богу. Слово Господне служить имъ вѣрнымъ средствомъ къ изгнанію изъ сердца всѣхъ нечистыхъ похотей и движеній. Враги наши говорятъ, что мы обольщаемъ людей. Но какъ прекрасно это обольщеніе? Людей распущенныхъ дѣлаемъ мы строго-воздержными, несправедливыхъ — справедливыми, неразумныхъ — мудрыми, трусливыхъ и робкихъ — смѣлыми, мужественными и непобѣдимыми.... Мы всѣхъ и каждаго заботимся учить — вѣровать въ Бога такъ, какъ повелѣлъ намъ вѣровать Христосъ, и никогда не устаемъ руководить по пути истины тѣхъ, кои не знаютъ еще, какъ должно служить Богу, также какъ не отказались бы преподавать уроки и наставленія въ ней тѣмъ, кои, какъ

показываетъ дѣло, будучи совершенно слѣпыми, сами безустанно и кропотливо подыскиваютъ случаи и изобрѣтаютъ причины обвинять насъ въ слѣпотѣ и невѣжествѣ. Насъ упрекаютъ въ простотѣ и грубости рѣчей нашихъ: но то, что своими простыми и грубыми рѣчами совершаемъ мы чудеса, служить уже величайшимъ доказательствомъ необычайно-мощной и владычественной силы нашихъ рѣчей. Пусть же, если только знаетъ кто другую вѣру, сильную привлечь къ себѣ не того-только или другого, но цѣлое множество невѣрующихъ, — пусть назоветъ ее намъ: мы сравнимъ ее съ нашею и посмотримъ, какая изъ двухъ сильнѣе и какой изъ нихъ свойственнѣе исполнять душу и сердце человѣческое любовію къ добродѣтели и благочестію... Нѣтъ надобности разяснять, съ какою высокою силою и съ какимъ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ описываетъ здѣсь Оригенъ владычество силы Божіей въ христіанствѣ, когда представляетъ это преобразование или лучше — новотвореніе міра и человѣчества дѣломъ той-же всемогущей силы Божіей, которая «нѣкогда воззвала міръ и человѣчество изъ ничтожества къ бытію, но теперь давала зрѣніе слѣпорожденнымъ, облекала новою плотію и одушевляла новымъ дыханіемъ жизни истлѣвавшихъ во гробѣ»...

Перейдемъ теперь къ послѣдному чрезвычайному доказательству божественности христіанства — къ чрезвычайной исторіи распространенія Евангелія... Все, писалъ апологетъ христіанства, все, что-только ни прочтете вы въ исторіи распространенія Евангелія, — все будетъ говорить вамъ только о томъ, что христіанство — чудо изъ всѣхъ чудесъ всемогущества Божія. «Ясно — какъ день Божій», говоритъ Оригенъ, «что евангелисты, вовсе не заботившіеся

о томъ, чѣмъ такъ занята была хитрая и изворотливая софистика и чѣмъ такъ усиливалось обезпечивать себя и гордилось ползавшее у судейскихъ пороговъ краснорѣчіе, — что не книжные и прямодушные евангелисты наши никогда не были способны къ тому, чтобы выдумывать какія-нибудь событія, которыя бы сами собою могли предрасполагать людей къ вѣрѣ Христовой и къ соотвѣтствующему этой вѣрѣ образу жизни и поведенія. Христосъ избралъ для проповѣданія ученія Своего такихъ простыхъ мужей именно потому, чтобы избавить проповѣдниковъ Своихъ отъ всякихъ поводовъ къ подозрѣнію противъ нихъ, какъ противъ искусныхъ и ловкихъ говоруновъ, и чтобы всякому изъ тѣхъ, кто усумнился бы въ неложности и неподдѣльности проповѣди ихъ, яснѣе показать, что сердце и воля апостоловъ просты, откровенны и непритворны въ столь высокой степени, что ихъ устами могла говорить только чистая святая истина, только всесвятѣйшій Духъ истины, который одинъ только могъ совершать простымъ словомъ ихъ то, чего не въ состояніи были совершать никакія преднамѣренныя подготовленія, упражненія и искусственныя силлогизмы и построенія говоруновъ. Кто безпристрастно и основательно прослѣдитъ исторію христіанства, тотъ не можетъ не убѣдиться, что Иисусъ принялъ на Себя дѣло, безконечно превышающее всѣ силы человѣческія, и что то, что предпринялъ Онъ, то совершилъ самымъ полнѣйшимъ образомъ. Съ самаго перваго начала распространенія христіанства, противъ него вооружились всѣ тогдашніе императоры, военачальники, намѣстники, правители и словомъ — всѣ, кто только имѣлъ какое-нибудь значеніе; даже войны и чернь возстали на него. Но не

смотря на все это, сильное слово Христово всюду лилось неудержимыми потоками и даже — чѣмъ сильнѣйшими и многочисленнѣйшими становились его противники, тѣмъ само становилось оно неудержимѣе: покоряло себѣ Грецію, овлаđвало племенами варваровъ и безчисленныя тысячи душъ приводило къ исповѣданію имени Іисусова. Даже Римляне, употреблявшіе всѣ силы, всѣ средства и всѣ поводы къ тому, чтобы искоренить христіанство, даже сильные Римляне не были въ состояніи удержать распространеніе этого слова Евангелія или воспрепятствовать ему: рука Господа видимо хранила христіанство и видимо направляла все къ тому, чтобы слово Евангелія проникло во всѣ уголки Палестины, распространилось во всему міру». Таковы лица, чрезъ которыя распространялось Евангеліе, и таковы обстоятельства, среди которыхъ распространялось оно: что же можетъ быть чрезвычайнѣе этой исторіи распространенія Евангелія и что поразительнѣе можетъ говорить намъ о божественности христіанской религіи?!...

«Ясно, такимъ образомъ», заключаетъ Оригенъ свою апологію, «что христіанство основано на разумнѣйшихъ началахъ, или лучше, — что во всей совокупности своей оно есть дѣло творческой силы Божіей, и что Основатель его есть тотъ же Богъ, который училъ чрезъ пророковъ Своихъ и наставлялъ древнее челоуѣчество надѣяться на пришествіе Избавителя. Самыя возраженія и опроверженія, коими такъ серьезно по видимому рассчитываютъ нанести ударъ христіанству, — самыя возраженія и опроверженія эти, съ такою подробностію и ясностію предъизображенныя въ писаніяхъ нашихъ и съ такою точностію оправдывающія то, что предъизображено или предсказано о нихъ пророками,

апостолами и Христомъ, — самыя возраженія и опроверженія эти не доказываютъ ли того, что наши писанія суть истинное слово Божіе и что Иисусъ есть истинный Сынъ Божій не только отъ вѣчности, но и послѣ Своего вочеловѣченія? Говорю: и послѣ вочеловѣченія; ибо тѣми, кои смотрять очами пронизательнѣйшими, Слово по преимуществу признается достойнымъ Бога, когда Оно стало плотію, когда истинно и дѣйствительно низошло къ намъ отъ Бога, — низошло, получивъ начало и жизнь Свою не посредствомъ ума человеческого, но откровеніемъ Бога, который разнообразною мудростію и повсюдными чудесами основалъ первѣе іудейство, нынѣ же христіанство».

Такова Оригенова апологія христіанству. Она есть первый опытъ обстоятельнѣйшаго изложенія доказательствъ истинности и божественности христіанства. Христіанская религія, — это зерно и фундаментъ Оригеновой апологіи, какъ и Оригеновой системы вообще, есть откровеніе совершеннѣйшей истины и притомъ — несравненно — высшее всякаго изъ древнихъ откровеній ея.

(Продолженіе будетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Замѣтка «Дня» объ усиѣхахъ народнаго образованія. — Принятіе православія крестьянами-католиками. — Возобновленіе древней церкви въ Вильѣ.

Въ № 30 «Дня», въ «Областномъ обозрѣніи» приведены слѣдующія извѣстія, касающіяся собственно сельскихъ школъ и усиѣховъ народнаго образованія:

«Съ одной стороны можно привести блистательныя цифры значительнаго и постояннаго увеличенія какъ числа школъ сельскихъ, приходскихъ и другихъ, такъ и числа учащихся. Въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» напримѣръ (№ 13) мы находимъ свѣдѣнія о томъ, что при Вятскомъ тюремномъ замкѣ существуетъ уже болѣе 12 лѣтъ школа, въ которой въ 1853 г. обучалось только 9 человекъ, въ 1854 г. 12, потомъ съ каждымъ годомъ число желающихъ учиться грамотѣ стало постепенно увеличиваться, такъ что въ 1863 г. было уже ихъ 48, а въ 1864 г. — 73 человекъ. Замѣчательно, что возрастъ арестантовъ ни мало не останавливалъ ихъ приниматься за букварь и въ числѣ учащихся есть люди отъ 40 — 60 лѣтъ; бываетъ и то, что чѣмъ старше арестантъ, тѣмъ

онъ больше цѣнить грамотность и тѣмъ усердиѣе учиться. «Сѣверная Почта» даетъ слѣдующія свѣдѣнія о числѣ школъ въ вѣдомствахъ удѣльномъ и государственныхъ имуществъ. Въ 1857 г. существовало въ удѣльномъ вѣдомствѣ только 208 училищъ при приказахъ, въ которыхъ обучалось 7,560 мальчиковъ и ни одной дѣвочки; въ 1858 г. дѣвочекъ учащихся грамотѣ было уже до 4 тыс. Въ 1859 году приказныхъ училищъ было 228 и 7114 учащихся. Сельскихъ училищъ, открытыхъ духовенствомъ, было 478, а частными лицами 618. Въ этихъ 1096 школахъ обучалось 12,883 человѣка. Въ татарскихъ селеніяхъ училища были открыты при 126 мечетяхъ съ 4,986 учащимися. Въ 1860 г. училищъ прибавилось: приказныхъ 14, школъ, открытыхъ духовенствомъ 319, открытыхъ частными лицами 223; что касается до прибыли учащихся, то русскихъ дѣтей прибыло 6,424, а инородцевъ 1856. По вѣдомству государственныхъ имуществъ въ 1849 г. существовало 1,788 училищъ, въ которыхъ обучалось 65,346 мальчиковъ и 3,984 дѣвочки. Въ 1863 г. было: сельскихъ приходскихъ училищъ, содержимыхъ на счетъ общественнаго сбора, 2,200, начальныхъ школъ, содержимыхъ на мірскіе сборы, съ участіемъ министерства 4,344; школъ существующихъ въ казенныхъ селеніяхъ Остзейскаго края и въ мѣстностяхъ населенныхъ инородцами 560. Итого 7,104, съ 188,953 учащихся мальчиковъ и 36,337 дѣвочекъ.

Въ какой степени соотвѣтствуетъ этимъ цифрамъ дѣйствительное желаніе учиться, какъ вообще идетъ обученіе, — это другой вопросъ, или, правильнѣе сказать, это другая сторона вопроса и здѣсь можно опять натолкнуться на факты, которые далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ надеждамъ,

которыя могли возбудить блестящія цифры. Такъ корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» изъ Екатеринославской губерніи (№ 189) сообщаетъ напимѣръ, что къ одному барину пришли мужики, дѣти которыхъ обучались въ заведенной имъ школѣ. «Баринъ вышелъ къ громадѣ, спрашиваетъ: чего ей нужно, ему отвѣчаютъ: «пришло баринъ время къ расчету съ помѣщикомъ, мы вамъ очень благодарны; но сколько лѣтъ наши дѣти *на васъ* въ школу ходили, такъ мы и пришли просить, не заплатите-ли вы что-нибудь за то, что наши дѣти такъ долго дома ничѣмъ не подсобляли, а все въ школѣ были». Не считайте это анекдотомъ, прибавляетъ корреспондентъ, — это дѣйствительное происшествіе. Священникъ Голяховскій рассказываетъ въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 69) объ экзаменѣ, производившемся въ сельскомъ училищѣ подъ наблюденіемъ безграмотнаго головы отъ крестьянъ государственныхъ имуществъ. Въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 14) рассказывается, какъ одинъ помощникъ учителя, педагогъ изъ военныхъ, училъ дѣтей маршировкѣ и, смотря на марширующихъ, говорилъ вошедшему посетителю: «стройно, канальи, попривыкли ходить! и всѣ такъ, до одинаго-съ!» Да и какъ впрочемъ тутъ быть требовательнымъ и строгимъ, съ кого, съ чего взять, и какъ можно взыскивать? «Могилевскія Губ. Вѣд.» (№ 22) даютъ напимѣръ подробный отчетъ о народныхъ училищахъ 3-хъ уѣздовъ губерніи, за зиму 1864 — 65 г., и изъ отчета этого оказывается, что перечисленные въ немъ 88 школъ всѣ почти помѣщены бесплатно; въ большей части ученики ничего не даютъ за обученіе; а составъ учителей слѣдующій: 16 человекъ изъ крестьянъ, 11 чел. волостныхъ

писарей, 4 дворянъ, 2 отставныхъ чиновника, 1 мѣщанга, 2 отставныхъ солдата, и 2 учителя по профессіи; остальные всѣ священники, діаконы и причетники.

Не смотря однако на все вышесказанное, если есть гдѣ отдохнуть душою, если и хочется гдѣ остановиться, такъ это именно только здѣсь, въ вопросѣ о сельскихъ школахъ, ибо здѣсь можно по крайней мѣрѣ набрести на тѣ факты, которые способны еще возбудить пріятныя надежды на будущее. Стоитъ наримѣръ прочесть въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣд.» (№ 4) статью священника Оратовскаго: о любви крестьянскихъ дѣтей къ грамотности и сочувствіи крестьянъ къ грамотному мальчику. Священникъ рассказываетъ, какъ заболѣлъ и умеръ одинъ изъ учениковъ его школы. «Во все время своей тяжелой болѣзни, говоритъ священникъ, онъ въ бреду говорилъ только о школѣ и призывалъ къ себѣ школьниковъ; въ сознательномъ состояніи онъ грустилъ о томъ же». Книги свои мальчикъ просилъ отдать меньшимъ дѣтямъ, желая оставить только ту, которую получилъ отъ учителя въ подарокъ и которую просилъ положить съ собою въ гробъ. Отецъ ученика рассказывалъ, что бывало въ лѣтнюю пору онъ нажнетъ въ полѣ сноповъ 30 хлѣба, работаетъ безъ усталы, но едва заслышитъ колокольный звонъ въ субботу или передъ праздничнымъ днемъ, тотчасъ проситъ позволенія оставить работу и бѣжитъ въ церковь; бывало, говорилъ отецъ, я, по причинѣ домашнихъ нуждъ, удерживаю его, но онъ выпроситъ, вымолитъ и какъ для забавы какой бѣжитъ въ училище. Мальчикъ, свидѣтельствуется священникъ, не пропустилъ, въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, ни одного богослуженія и ни одного урока. Въ предсмертной болѣзни своей, онъ до того соску-

чился по школь, что не выдержалъ, рѣшился придти больной, сдать урокъ, написалъ полчвертки, — но это было и въ послѣдній разъ: больше онъ въ школу уже не возвращался. Въ концѣ статейки своей, священникъ выражаетъ желаніе о томъ, чтобы «начальники народного благоденствія» позаботились о матеріальномъ благосостояніи церковно-приходскихъ школъ и о медицинской помощи школьникамъ, ибо говоритъ онъ, «горько сказать, въ продолженіи одного года, я, за недостаткомъ врачебной помощи, лишился двухъ лучшихъ моихъ учениковъ. Первый изъ нихъ былъ такъ любимъ и уважаемъ всѣми почти моими прихожанами за его необыкновенныя умственные способности и благонравіе, что къ погребенію его собрались сотни народа, не смотря на зимнюю, снѣжную погоду: такое собраніе людей бываетъ только у насъ при погребеніи любимой и вліятельной между крестьянами личности».

Въ «Рязанскихъ Губерн. Вѣд.» (№ 23) мы прочли статью временно-обязаннаго крестьянина Горшкова, въ которой онъ рассказываетъ о необыкновенной привязанности дѣтей къ учителю-пономарю, прибавляя, что примѣровъ такой привязанности онъ не видалъ. Дѣти со слезами просились у родныхъ, чтобы они отпустили ихъ учиться къ пономарю; были примѣры, что когда роднымъ жалко было, по малолѣтству, отпустить ихъ, то они тихонько отъ нихъ уходили къ нему въ школу. Въ заключеніе приведемъ еще одинъ утѣшительный примѣръ того, какъ понятіе о пользѣ образованія стало проникать въ народъ и какъ и чѣмъ это выражается. Въ журналѣ Губ. Прис., Владимірской губ., мы прочли, что временно-обязанный крестьянинъ г. Бутурлина, Рогожинъ, пожертвовалъ въ Полеховское волостное училище

30 экзempl. Священной исторіи и 30 экзempl. азбукъ. Жертвуютъ крестьяне, какъ видитъ читатель, уже не дровами и соломой, а книгами».

— Въ № 196 «Сѣв. Почты» сообщено:

«Крестьяне собственники деревни Тарановки, Вейниской волости, бывшей вотчины помѣщика Зенковича, въ числѣ 22 душъ муж. и жен. пола оставили римско-католическое исповѣданіе и приняли православіе.

Въ деревнѣ Тарновкѣ всего душъ 44, изъ нихъ было 22 православныхъ и 22 католика. Въ семействахъ ихъ бывало такъ, что отецъ и мать православные, а дѣти католики, и наоборотъ, старики католики, а молодежь православные. Вообще католичество тамъ случайно привилось. Кто попадалъ на службу въ дворню пана, тотъ и дѣлался католикомъ. Оттого почти всѣ эти католики или сами изъ бывшихъ дворовыхъ служителей при господской экономіи, или же предки ихъ служили въ дворахъ. Живутъ незажиточно. Разногласіе въ вѣрѣ поселяло между однодеревенцами и даже въ семействахъ, въ которыхъ одни члены были изъ «благочестивыхъ» (православныхъ), а другіе изъ «поляковъ» (т. е. католиковъ), размолвгу и вражду. Наконецъ католики стали подумывать тоже идти «по благочестію» и устранить отъ себя непріятное для нихъ названіе поляковъ. Случай помогъ исполниться давнишнему желанію ихъ. При опросѣ и при отобраніи рукоприкладствъ мировымъ съѣздомъ по отведенію надѣловъ, предсѣдатель мирового съѣзда А. А. Энгельгардъ замѣтилъ, что въ подписи встрѣчаются между именами крестьянъ имена Яна, Томаша, Юзефа и т. п. и съ изумленіемъ спросилъ, отчего нѣкоторые изъ нихъ называютъ себя Томашемъ, Яномъ, Юзефомъ, а не

просто Ѳомой, Ивановъ, Осипомъ? — «А отъ того, отвѣтили крестьяне, что Иванъ живетъ по благочестію (т. е. православнаго исповѣданія), а Яны и Юзефы поляки (т. е. римско-католическаго исповѣданія)». «Отчего бы и вамъ, братцы, не называться, какъ слѣдуетъ добрымъ русскимъ крестьянамъ, Ѳомой, Ивановъ, Осипомъ? У русскихъ крестьянъ нѣтъ именъ ни Юзefовъ, ни Томашей, ни Яновъ, а вы и сами тоже русскіе, а не поляки. Зачѣмъ же называться по-польски?» — Крестьяне подумали, подумали между собою, потолковали и на другой день подали прошеніе въ мировой съѣздъ о желаніи принять православіе.

Въ воскресенье, 22 августа въ Могилевѣ, въ Спасо-преображенской архіерейской церкви совершено было торжественное приобщеніе этихъ крестьянъ къ православной церкви. Литургію служилъ соборнѣ архіепископъ могилевскій Евсевій, въ присутствіи губернатора, предсѣдателя мирового съѣзда, уѣзднаго исправника, мирового посредника и при многочисленномъ стеченіи прочихъ гражданъ. Крестьяне съ своими семействами, съ женами и дѣтьми, съ грудными малютками, одѣтые въ чистенькія свитки, стояли впереди у самага амвона. Приобщалъ святыми тайнами самъ высокопреосвященнѣйшій Евсевій и сказалъ имъ краткое поученіе. Мировой посредникъ И. В. Рубановскій руководилъ ихъ, когда они подходили къ принятію святыхъ таинъ.

По окончаніи литургіи, при торжественномъ шествіи высокопреосвященнѣйшаго, крестьяне были введены въ его покой. Тамъ высокопреосвященнѣйшій благословилъ каждаго изъ нихъ эмалевымъ образкомъ.

Затѣмъ могилевскій исправникъ О. Г. Сугрухо пригласилъ ихъ въ свою квартиру и угостилъ хлѣбомъ—

солью. И нѣкоторые другіе ревнители православія встрѣтили ихъ тоже хлѣбомъ-солью.

— Изъ Вильны пишутъ въ «Москов. Вѣд.»: — 31-е августа было ознаменовано въ Вильнѣ освященіемъ третьей русской святыни. Въ этотъ день совершена была закладка алтаря въ возобновляемой церкви Успенія Пречистыя Богоматери, древнѣйшей во всемъ сѣверо-западномъ краѣ. Этотъ храмъ воздвигнуть въ первой половинѣ XIV столѣтія великимъ княземъ Ольгердомъ и супругой его Іуліаніей Александровной, княжною тверскою. Церковь эта, освященная митрополитомъ, святителемъ Алексіемъ, въ 1348 году, сдѣлана первопрестольною въ древней литовско-русской столицѣ, и въ послѣдствіи митрополитальною, каковою и оставалась до 1608 года, когда король польскій Сигизмундъ III отнялъ ее у православныхъ и передалъ уніатамъ. Здѣсь погребены: великій князь Ольгердъ, первый митрополитъ западной Руси Григорій Симвагъ, великая княгиня литовско-русская и королева польская Елена, дочь Іоанна III и супруга короля Александра, митрополитъ Іосифъ Солтанъ, бояринъ Петръ Ивановичъ Шуйскій и много другихъ знаменитыхъ лицъ православнаго исповѣданія. Здѣсь первосвятитель вселенской церкви, патриархъ Іеремія II, въ 1588 году посѣтившій Вильну, совершалъ торжественное служеніе и рукоположилъ митрополита Михаила Рагозу. Богослуженіе совершалось въ Пречистенской церкви до нынѣшняго столѣтія. Въ послѣдствіи она отдана была въ вѣдѣніе университета, который въ 1815 году устроилъ въ ней анатомическій театръ. Въ 1842 году, по закрытіи виленскаго университета, зданіе Пречистенскаго храма, отданное въ городскую собственность, обращено было подъ помѣщеніе солдатъ,

цейхаузовъ, кузницъ, мастерскихъ и наконецъ сдѣлано было загономъ для скота. Графъ Муравьевъ предположилъ возвратить его прежнему его назначенію, и 31-го августа какъ сказано, положено начало осуществленію этого предположенія.